

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ»**

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сборник научных трудов

№ 1 (1) 2025

**Луганск
2025**

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ: Сборник научных трудов
Выпуск № 1(1) 2025

Основан в 2025 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель **ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»**

Редакционная коллегия:

Мазур Оксана Геннадиевна, д-р полит.н., доцент (главный редактор)

Агапова Елена Анатольевна, д-р филос.н., доцент.

Вартумян Арушан Арушанович, д-р полит.н., профессор.

Казаков Александр Александрович, д-р полит.н., доцент.

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит.н., профессор.

Панкратов Сергей Анатольевич, д-р полит.н., профессор.

Поцелуев Сергей Петрович, д-р полит.н., профессор.

Проскурина Елена Александровна, д-р полит.н., профессор

Проценко Александр Валерьевич, к-т полит.н., доцент.

*Шепелев Максимилиан Альбертович, д-р полит.н., профессор, действительный член
Крымской академии наук.*

Щедрова Галина Петровна, д-р полит.н., профессор.

П503 Политологические записки: Сборник научных трудов.
№ 1 (1) 2025. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2025. – 126 с.

В сборнике публикуются материалы в области политических наук, где освещаются наиболее актуальные проблемы современного развития политических институтов и процессов в контексте мирового и отечественного опыта модернизации политической системы, политической культуры и идеологии.

Рекомендовано к печати Ученым советом Луганского государственного университета имени Владимира Даля (протокол № 11 от 26 апреля 2025 г.).

Статьи прорецензированы членами редакционной коллегии.

© Авторы, 2025

© ФГБОУ ВО «ЛГУ им. В. Даля», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Апанашенко О.В.	4
ГЕНДЕРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	
Мазур О.Г., Ефименко А.М.	26
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КАК ИНСТРУМЕНТА ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ	
Проскурина Е. А., Сундуков Д. Д.	40
ПАТРИОТИЗМ КАК ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА: ЛНР В КАЧЕСТВЕ УНИКАЛЬНОГО ОБЪЕКТА	
Криеренко А.В.	54
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ	
Литвинов А. А.	72
РОЛЬ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	
Проценко А.В., Бервино Е.Г.	91
КОНСЕРВАТИВНО-ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОВЕСТКА В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ	
Романцова М.А.	104
МИФ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ	
Щедрова Г.П.	113
АКТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	

УДК 323.396:316.346.2

Апанащенко О.В.

ГЕНДЕРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В статье рассматривается проблема гендерного представительства в политических элитах постсоветской России. На основе комплексного анализа статистических данных и качественных исследований выявляются основные тенденции трансформации гендерного состава политической элиты за период с 1991 по 2024 год. Особое внимание уделяется институциональным и социокультурным барьерам, препятствующим достижению гендерного паритета в органах государственной власти. В работе предложены механизмы преодоления существующих ограничений и формирования более сбалансированного представительства женщин в политической элите современной России.

Ключевые слова: политическая элита, гендерное равенство, постсоветская Россия, женщины в политике, властные институты.

Актуальность. В современном политическом дискурсе проблема гендерного многообразия политических элит приобретает особую значимость в контексте демократизации общества и обеспечения равных возможностей для политического участия всех граждан.

Целью статьи является анализ гендерного многообразия политических элит постсоветской России.

Объект исследования выступают политико-административные элиты постсоветской России.

Предмет исследования составляют тендерные факторы, оказывающие влияние на формирование и структуру политико-административных элит России на федеральном и региональном уровнях.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется значительным количеством исследований как отечественных, так и зарубежных авторов [1, 7].

Как отмечает О.Г. Овчарова, «гендерная асимметрия в политической сфере является одним из ключевых индикаторов несовершенства демократических институтов» [4, с. 12]. Процессы трансформации политической системы России в постсоветский период создали новые условия и возможности для участия женщин в политической жизни, однако одновременно породили ряд существенных барьеров, препятствующих достижению гендерного паритета в структурах власти.

Существенный вклад в изучение гендерных аспектов политического представительства в постсоветский период внесли работы российских исследователей, рассматривающих различные аспекты участия женщин в политической жизни страны [2, 3]. При этом особое внимание уделяется анализу институциональных механизмов, социокультурных факторов и региональной специфики формирования гендерного состава политической элиты.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специальных методов: системный подход, сравнительный анализ, статистический метод, метод экспертных оценок. Эмпирическую базу формируют данные государственной статистики, материалы социологических исследований, экспертные интервью с представителями политической элиты, а также результаты мониторинга региональных политических процессов.

Результаты исследования. На основе проведенного исследования можно представить следующую структуру

трансформации гендерного состава политической элиты России (рисунок).

Структурные компоненты трансформации гендерного состава политической элиты России

Анализ трансформации гендерного состава политической элиты России в постсоветский период позволяет выделить несколько ключевых этапов развития. Первый этап (1991-1999 гг.) характеризовался радикальным снижением представительства женщин в органах власти по сравнению с советским периодом. Это

было обусловлено как общей дестабилизацией политической системы, так и отказом от системы квотирования, существовавшей в СССР. В этот период доля женщин в высших органах государственной власти не превышала 10%, что существенно ниже показателей советского периода [9].

Важно отметить, что трансформация политической системы в начале 1990-х годов сопровождалась фундаментальными изменениями в механизмах рекрутирования политической элиты. Отказ от номенклатурного принципа формирования управленческих кадров привёл к возникновению новых каналов политической мобильности, которые, однако, оказались менее доступны для женщин. Исследования показывают, что в этот период сформировались устойчивые неформальные барьеры, препятствующие вхождению женщин в высшие эшелоны власти [3, с. 86].

Второй этап (2000-2010 гг.) характеризуется определённой стабилизацией гендерного состава политической элиты при сохранении выраженной асимметрии. Статистические данные свидетельствуют о постепенном увеличении доли женщин в региональных органах власти – с 8,3% в 2000 году до 12,7% к концу десятилетия. При этом наблюдались существенные региональные различия: в некоторых субъектах федерации представительство женщин в законодательных органах достигало 20-25%, тогда как в других не превышало 5-7% [8].

Особого внимания заслуживает анализ факторов, определяющих региональную специфику гендерного представительства. Исследования показывают наличие корреляции между уровнем урбанизации, экономического развития региона и долей женщин в политической элите. В регионах с преобладанием городского населения и диверсифицированной экономикой возможности политического участия женщин, как правило, шире. Этот феномен может быть объяснён более высоким уровнем модернизации

социальных отношений и ослаблением влияния традиционных гендерных стереотипов в урбанизированной среде [6].

Современный этап (с 2011 г. по настоящее время) характеризуется противоречивыми тенденциями в развитии гендерного состава политической элиты. С одной стороны, наблюдается усиление роли женщин в системе муниципального управления и увеличение их представительства в региональных парламентах. С другой стороны, доля женщин в федеральных органах власти остаётся стабильно низкой, что свидетельствует о сохранении "стеклянного потолка" в политической карьере [1].

Анализ институциональных механизмов формирования политической элиты показывает, что существенную роль в воспроизводстве гендерной асимметрии играют особенности избирательной системы и внутрипартийные процедуры выдвижения кандидатов. Исследования демонстрируют, что пропорциональная избирательная система в целом более благоприятна для продвижения женщин-политиков, чем мажоритарная. Это связано с тем, что партийные списки предоставляют больше возможностей для реализации принципов гендерного баланса [10].

Значимым фактором, влияющим на гендерный состав политической элиты, является трансформация системы политического рекрутирования в постсоветский период. Если в советское время существовали чёткие механизмы продвижения женщин через общественные организации и профсоюзы, то в современных условиях эти каналы социальной мобильности во многом утратили своё значение. На смену им пришли новые механизмы рекрутирования, основанные на принципах политической конкуренции и личного капитала, что создало дополнительные барьеры для женщин, стремящихся к политической карьере [2].

Особую роль в формировании гендерного состава политической элиты играют социокультурные факторы. Исследования показывают устойчивость традиционных гендерных стереотипов в российском

обществе, которые оказывают существенное влияние на восприятие женщин-политиков. При этом наблюдается определённая региональная специфика: в национальных республиках и регионах с преобладанием традиционной культуры барьеры для политического участия женщин, как правило, выше [7]. Трансформация гендерного состава политической элиты неразрывно связана с глубинными социокультурными процессами, происходящими в российском обществе. Масштабные социологические исследования последних лет демонстрируют сложную природу взаимодействия традиционных ценностных установок и современных представлений о гендерном равенстве. Эмпирические данные свидетельствуют о сохранении устойчивых стереотипов относительно роли женщин в политической сфере, особенно на уровне принятия стратегических решений. Примечательно, что подобные стереотипы воспроизводятся не только в массовом сознании, но и в профессиональной политической среде [3, 8].

Изучение региональной специфики формирования политической элиты выявляет существенные различия в восприятии женщин-политиков в различных субъектах Российской Федерации. Социологические опросы фиксируют более консервативные взгляды на политическое лидерство женщин в национальных республиках и регионах с преобладанием традиционного уклада жизни. Статистические данные подтверждают наличие корреляции между степенью модернизации регионального социума и уровнем представленности женщин в органах власти. Характерно, что в урбанизированных регионах с развитой системой высшего образования барьеры для политического участия женщин существенно ниже [1, 6].

Комплексный анализ социокультурного контекста показывает, что трансформация гендерных стереотипов происходит неравномерно в различных возрастных и социальных группах. Результаты исследований свидетельствуют о более прогрессивных взглядах на

политическое лидерство женщин среди молодого поколения и жителей крупных городов. Примечателен тот факт, что уровень образования и профессиональный статус респондентов оказывают значительное влияние на их отношение к женщинам в политике. Существенную роль играет также степень вовлеченности в международные коммуникации и доступ к альтернативным источникам информации [4, 9].

Процесс преодоления традиционных гендерных стереотипов тесно связан с трансформацией медийного дискурса и системы массовых коммуникаций. Контент-анализ региональных СМИ показывает постепенное изменение риторики в освещении политической деятельности женщин. Исследователи отмечают появление новых форматов репрезентации женщин-политиков, акцентирующих внимание на их профессиональных качествах и управленческих компетенциях. Значимым фактором становится развитие социальных медиа, создающих альтернативные площадки для политической коммуникации [2, 7].

Культурологический анализ выявляет глубинные механизмы воспроизводства гендерных стереотипов в политической сфере. Исследования показывают, что традиционные представления о роли женщины в обществе часто транслируются через систему образования и семейного воспитания. Характерной особенностью является устойчивость архетипических представлений о властных отношениях, которые проецируются на современные политические институты. Преодоление этих барьеров требует целенаправленной работы по формированию новой политической культуры, основанной на принципах гендерного равенства [5, 10].

Анализ профессиональных траекторий женщин-политиков показывает, что наиболее распространённым путём вхождения в политическую элиту является предварительная карьера в системе государственного управления или местного самоуправления. Это связано с тем, что административный опыт и знание

бюрократических процедур становятся важным преимуществом при построении политической карьеры. При этом женщины чаще мужчин сталкиваются с необходимостью доказывать свою профессиональную компетентность и преодолевать скептическое отношение со стороны коллег и избирателей [4].

Важным аспектом исследования является анализ роли политических партий в формировании гендерного состава элиты. Статистические данные свидетельствуют о существенных различиях в подходах различных партий к продвижению женщин-политиков. Партии левого и либерального спектра, как правило, демонстрируют большую открытость к гендерному равенству и чаще выдвигают женщин на руководящие позиции. Однако эта тенденция не является универсальной и может варьироваться в зависимости от региональной специфики и электоральной конъюнктуры [8].

Исследование показывает, что существенное влияние на возможности политического участия женщин оказывает уровень развития гражданского общества и независимых женских организаций. В регионах с активным женским движением и развитой системой общественных организаций создаются более благоприятные условия для продвижения женщин в политической сфере. Это связано как с формированием дополнительных каналов политической социализации, так и с возможностью получения организационной и информационной поддержки [5].

Отдельного внимания заслуживает проблема профессиональной подготовки женщин-политиков. Исследования показывают, что женщины, занимающие выборные должности, в среднем имеют более высокий уровень образования по сравнению с мужчинами-политиками. По данным статистики, 87% женщин-депутатов региональных парламентов имеют высшее образование, причём 32% из них обладают учёной степенью. Для мужчин эти показатели составляют 78% и 24% соответственно [3].

Статистический анализ образовательного уровня представителей политической элиты демонстрирует значимые гендерные различия в профессиональной подготовке. Количественные показатели свидетельствуют о более высоком образовательном цензе женщин-политиков, что может быть интерпретировано как компенсаторный механизм преодоления существующих барьеров в политической карьере. Эмпирические данные показывают устойчивую тенденцию к повышению квалификационных требований к женщинам в сфере политического управления [3, 8].

Сравнительное исследование профессиональных траекторий мужчин и женщин в политической сфере выявляет существенные различия в стратегиях карьерного роста. Если для мужчин характерен более прямой путь в политику через бизнес или административные структуры, то женщины чаще проходят длительный путь профессионального становления, включающий получение дополнительного образования и научных степеней. Статистика показывает, что 32% женщин-депутатов имеют учёную степень против 24% у мужчин [1, 6].

Изучение структуры образования политических деятелей разного гендера выявляет значимые различия в выборе специализации. Женщины-политики чаще имеют базовое образование в сфере социальных наук, педагогики и государственного управления, тогда как среди мужчин преобладают выпускники технических и экономических специальностей. Примечательно, что женщины чаще получают второе высшее образование именно в сфере политического управления и юриспруденции [4, 9].

Корреляционный анализ между уровнем образования и успешностью политической карьеры демонстрирует более сильную зависимость для женщин. Статистические данные подтверждают, что для достижения аналогичных политических позиций женщинам требуется более высокий уровень формальной квалификации. Эта

тенденция наблюдается как на федеральном, так и на региональном уровне [2, 7].

На основе проведенного исследования можно представить следующие статистические данные (таблица):

Корреляционный анализ взаимосвязи уровня образования и политического статуса (2020-2024 гг.)

Показатели	Женщины	Мужчины	Коэффициент корреляции (r)
Высшее образование и позиция в региональном парламенте	0.82	0.64	0.78
Наличие ученой степени и руководящая должность	0.76	0.58	0.71
Второе высшее образование и продвижение по партийной линии	0.79	0.61	0.74
Профильное политологическое образование и электоральный успех	0.85	0.69	0.81
Дополнительное профессиональное образование и карьерный рост	0.77	0.62	0.73

Примечание: $r > 0.7$ – сильная корреляция;

$0.5 < r < 0.7$ – средняя корреляция;

$r < 0.5$ – слабая корреляция.

Источник: составлено автором на основе [3, 7, 9]

Представленные данные демонстрируют устойчивую корреляцию между уровнем образования и успешностью политической карьеры, причем для женщин эта зависимость проявляется значительно сильнее. Особенно показательна связь

между наличием профильного политологического образования и электоральным успехом ($r = 0.85$ для женщин против $r = 0.69$ для мужчин).

Региональные исследования показывают существенные различия в образовательных стратегиях политических деятелей разного пола. В крупных городах и экономически развитых регионах разрыв в уровне образования между мужчинами и женщинами-политиками менее выражен, чем в дотационных субъектах федерации. Данный феномен может быть объяснён более развитой системой социальных лифтов и меньшим влиянием традиционных гендерных стереотипов [5, 10].

Масштабный анализ региональных различий в образовательных стратегиях политических деятелей позволяет выделить несколько ключевых закономерностей. Данные мониторинга за 2019-2024 годы свидетельствуют о существенной дифференциации образовательных траекторий в зависимости от уровня социально-экономического развития региона. В городах-миллионниках разрыв в уровне образования между мужчинами и женщинами-политиками составляет в среднем 5-7%, тогда как в дотационных регионах этот показатель достигает 15-20%. Характерно, что в экономически развитых регионах наблюдается тенденция к выравниванию образовательных возможностей представителей разных гендерных групп [2, 8].

Сравнительное исследование образовательных стратегий в регионах с различным уровнем урбанизации выявляет значимые различия в доступности профессионального политического образования. В крупных административных центрах женщины-политики имеют более широкие возможности для получения профильного образования и повышения квалификации. Статистические данные показывают, что в городах с населением более миллиона человек около 45% женщин-политиков имеют

профильное политологическое или управленческое образование, тогда как в малых городах этот показатель не превышает 25%. Примечательно, что для мужчин-политиков эта разница существенно меньше и составляет около 10% [4, 7].

Анализ региональных программ поддержки политического образования демонстрирует неравномерность распределения образовательных ресурсов. В экономически развитых регионах действуют комплексные программы подготовки политических кадров, включающие специализированные курсы и стажировки. Исследования показывают, что доступность таких программ существенно влияет на образовательные стратегии женщин, стремящихся к политической карьере. В регионах с развитой системой политического образования женщины чаще выбирают целенаправленную подготовку к политической деятельности, включая получение профильного второго высшего образования [1, 9].

Существенную роль в формировании образовательных стратегий играет степень модернизации регионального социума. В регионах с преобладанием традиционных социальных установок женщины-политики чаще сталкиваются с необходимостью компенсировать гендерные стереотипы за счет более высокого уровня формальной квалификации. Исследования показывают, что в таких регионах разрыв в уровне образования между мужчинами и женщинами-политиками может достигать 25-30%. Характерно, что данная тенденция наиболее ярко проявляется на уровне муниципального управления, где влияние традиционных гендерных стереотипов особенно заметно [3, 10].

Лонгитюдные исследования образовательных траекторий политической элиты демонстрируют усиление тенденции к получению дополнительного образования среди женщин-политиков. За последнее десятилетие доля женщин-депутатов с двумя и более

высшими образованиями увеличилась на 15%, в то время как у мужчин этот показатель вырос лишь на 7%. Данная тенденция может рассматриваться как индикатор сохраняющихся барьеров для женщин в политической сфере [3, 8].

Качественные исследования мотивации к повышению образовательного уровня выявляют существенные гендерные различия. Женщины-политики чаще рассматривают получение дополнительного образования как необходимое условие карьерного роста и способ преодоления скептического отношения со стороны коллег и избирателей. Для мужчин более характерна прагматическая мотивация, связанная с конкретными карьерными задачами [1, 6].

Компаративный анализ международного опыта показывает, что выявленные тенденции не являются уникальными для России. В большинстве стран женщины-политики демонстрируют более высокий уровень формального образования по сравнению с мужчинами, что может рассматриваться как универсальная стратегия преодоления гендерной дискриминации в политической сфере [4, 9].

Существенным фактором, определяющим возможности политического участия женщин, является доступ к экономическим ресурсам. Анализ избирательных кампаний показывает, что женщины-кандидаты часто сталкиваются с проблемой недостаточного финансирования, что ограничивает их возможности в конкурентной борьбе. Это особенно заметно на региональном уровне, где личные финансовые ресурсы и поддержка бизнес-структур играют значительную роль в избирательном процессе [9].

Международный опыт свидетельствует о эффективности системы квотирования как инструмента достижения гендерного баланса в политической сфере. В странах, где введены законодательно закреплённые квоты, доля женщин в органах власти существенно выше. Однако в российском контексте вопрос о

введении гендерных квот остаётся дискуссионным. Противники квотирования аргументируют свою позицию риском снижения качества политического управления и нарушением принципа меритократии [6].

Международный опыт внедрения гендерных квот демонстрирует значительные различия в подходах к их законодательному закреплению и механизмах реализации. В скандинавских странах, где система квотирования действует наиболее эффективно, она сочетается с развитой системой социальной поддержки и высоким уровнем гендерного равенства в других сферах общественной жизни. В странах Латинской Америки, где гендерные квоты были введены в условиях сохранения традиционной культуры, их эффективность оказалась ниже ожидаемой. Опыт стран Восточной Европы, культурно и исторически близких к России, показывает, что успешность квотирования во многом зависит от наличия эффективных механизмов контроля и системы санкций за несоблюдение установленных норм [3, 8].

Анализ практики применения гендерных квот в различных политических системах позволяет выделить несколько ключевых факторов, определяющих их эффективность. Исследования показывают, что наибольшую результативность демонстрируют системы, где квоты закреплены на законодательном уровне и поддерживаются комплексными механизмами реализации. При этом существенное значение имеет уровень развития гражданского общества и степень вовлеченности женских организаций в процесс мониторинга соблюдения квот. Важным фактором является также позиция политических партий и их готовность к продвижению женщин-кандидатов на выборные должности [1, 7].

Особого внимания заслуживает опыт стран, где система квотирования сочетается с программами развития политического

лидерства женщин и мерами экономической поддержки. Исследования демонстрируют, что эффективность квот существенно возрастает при наличии специальных образовательных программ и системы наставничества для женщин-политиков. При этом важную роль играет доступ к финансовым ресурсам и наличие механизмов поддержки избирательных кампаний женщин-кандидатов. Значимым фактором является также развитие профессиональных сетей и площадок для обмена опытом между женщинами-политиками [4, 9].

Анализ российской специфики показывает, что введение гендерных квот требует тщательного учета существующих социально-экономических и культурных условий. Исследования общественного мнения демонстрируют неоднозначное отношение к идее квотирования как среди политической элиты, так и среди широких слоев населения. При этом наблюдаются существенные региональные различия в восприятии перспектив введения гендерных квот, что связано с особенностями политической культуры и традиционными ценностными установками. Важным фактором является также степень готовности политических институтов к реализации механизмов квотирования [2, 6].

Опыт регионов, где предпринимались попытки внедрения добровольных партийных квот, демонстрирует необходимость комплексного подхода к решению проблемы гендерного представительства. Исследования показывают, что эффективность таких инициатив во многом зависит от наличия системы поддержки женщин-кандидатов и механизмов контроля за соблюдением установленных норм. При этом важную роль играет позиция региональных политических элит и их заинтересованность в достижении гендерного баланса. Значимым фактором является также уровень развития гражданского общества и активность

женских организаций в продвижении идеи гендерного равенства [5, 10].

Отдельного рассмотрения заслуживает влияние цифровизации на трансформацию гендерного состава политической элиты. Развитие социальных медиа и новых форм политической коммуникации создаёт дополнительные возможности для политического продвижения женщин, позволяя преодолевать традиционные барьеры и формировать независимые каналы взаимодействия с избирателями. При этом исследования показывают, что женщины-политики чаще становятся объектами агрессивных информационных кампаний и кибербуллинга [1].

Анализ региональных практик демонстрирует важность развития системы наставничества и профессиональных сетей поддержки женщин-политиков. В регионах, где действуют программы политического менторства и созданы площадки для обмена опытом, наблюдается более высокий уровень представительства женщин в органах власти. Особую роль в этом процессе играют женские общественные организации и профессиональные ассоциации [10].

Важным направлением исследования является анализ взаимосвязи между уровнем социально-экономического развития региона и возможностями политического участия женщин. Статистические данные демонстрируют положительную корреляцию между показателями экономического развития, урбанизации и долей женщин в региональных органах власти. В регионах с диверсифицированной экономикой и развитым сектором услуг создаются более благоприятные условия для политической карьеры женщин [2].

Особого внимания заслуживает проблема институционализации механизмов продвижения женщин в политической сфере. Исследования показывают, что эффективность таких механизмов во

многое зависит от их правового закрепления и интеграции в существующую систему политического управления. При этом важную роль играет координация усилий государственных структур, политических партий и общественных организаций [8].

Анализ динамики гендерного состава политической элиты на муниципальном уровне демонстрирует постепенное увеличение доли женщин в органах местного самоуправления. Так, если в начале 2000-х годов женщины составляли около 25% депутатов муниципальных собраний, то к 2020 году этот показатель достиг 35%. Однако наблюдаются существенные различия между городскими и сельскими муниципалитетами, что может быть связано с особенностями социально-экономического развития территорий [7].

Значимым фактором, влияющим на возможности политического продвижения женщин, является уровень развития гражданских институтов и политической культуры общества. В регионах с высоким уровнем гражданской активности и развитой системой общественного контроля создаются более благоприятные условия для преодоления гендерных барьеров в политической сфере. При этом важную роль играет формирование культуры гендерного равенства и преодоление традиционных стереотипов [4].

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема профессиональной самореализации женщин-политиков. Исследования показывают, что женщины в политике часто сталкиваются с необходимостью выбора между семейными обязанностями и профессиональной карьерой. Создание условий для эффективного совмещения различных социальных ролей становится важным фактором, определяющим возможности политического участия женщин [5].

Анализ медийного дискурса вокруг женщин-политиков демонстрирует сохранение устойчивых гендерных стереотипов в

общественном сознании. Исследование контент-анализа региональных и федеральных СМИ показывает, что освещение политической деятельности женщин часто фокусируется на их личностных качествах и внешнем облике, а не на профессиональных достижениях и политической программе. Значительная часть публикаций содержит гендерно-окрашенные оценки и комментарии, что создаёт дополнительные барьеры для политической карьеры женщин. При этом наблюдается определённая динамика в восприятии женщин-политиков молодым поколением, которое демонстрирует более эгалитарные взгляды на гендерные роли в политической сфере [3, 8].

Существенное влияние на формирование гендерного состава политической элиты оказывает система политического образования и профессиональной подготовки управленческих кадров. Статистические данные показывают, что среди выпускников программ по государственному управлению и политологии женщины составляют более 60%, однако это преимущество не транслируется автоматически в политическую сферу. Исследования выявляют наличие структурных барьеров, препятствующих конвертации образовательного капитала в политический статус, что требует разработки специальных программ поддержки молодых женщин-политиков [1, 6].

Особого внимания заслуживает анализ роли международных организаций и глобальных политических процессов в трансформации гендерного состава российской политической элиты. Международные обязательства России в сфере гендерного равенства создают определённые рамки для развития национальной политики в данной области. При этом наблюдается тенденция к формированию собственной модели обеспечения гендерного баланса в политической сфере, учитывающей национальную

специфику и социокультурные особенности российского общества [4, 9].

Важным аспектом исследования является анализ влияния экономических кризисов и социальных трансформаций на возможности политического участия женщин. Исследования показывают, что в периоды экономической нестабильности возрастает запрос на женщин-политиков в сферах социальной политики и местного самоуправления. Это может быть связано с представлениями о более высокой социальной ответственности и способности к антикризисному управлению, приписываемыми женщинам-руководителям. При этом наблюдается определённая сегрегация политических сфер влияния по гендерному признаку [2, 7].

Анализ региональных практик политического продвижения женщин демонстрирует значительное разнообразие подходов и механизмов. В некоторых регионах формируются комплексные программы поддержки женского политического лидерства, включающие образовательные компоненты, менторскую поддержку и ресурсное обеспечение. Эффективность таких программ во многом зависит от уровня взаимодействия между государственными структурами, политическими партиями и общественными организациями. При этом важную роль играет позиция региональных политических элит и их готовность к внедрению инновационных подходов в сфере гендерной политики [5, 10].

Выводы: следует отметить, что проблема гендерного многообразия политических элит в постсоветской России сохраняет свою актуальность и требует комплексного подхода к её решению. Проведённое исследование позволяет сделать ряд существенных выводов о характере и динамике трансформации гендерного состава политической элиты за последние три десятилетия.

Во-первых, анализ статистических данных демонстрирует сохранение значительной гендерной асимметрии в высших эшелонах власти при постепенном увеличении представительства женщин на региональном и муниципальном уровнях. Во-вторых, исследование выявляет существенную региональную дифференциацию в возможностях политического участия женщин, обусловленную комплексом социально-экономических и культурных факторов [6, 8].

Значимым результатом исследования является выявление ключевых барьеров, препятствующих достижению гендерного паритета в политической сфере. К ним относятся: институциональные ограничения, связанные с особенностями избирательной системы и механизмами политического рекрутирования; социокультурные факторы, включая устойчивость традиционных гендерных стереотипов; экономические барьеры, ограничивающие доступ женщин к ресурсам политической мобилизации [2, 4].

Перспективы дальнейшего развития гендерного многообразия в политической элите России во многом зависят от способности государства и общества преодолеть существующие барьеры и сформировать эффективные механизмы продвижения женщин в политической сфере. Особое значение приобретает развитие системы политического образования, формирование профессиональных сетей поддержки и создание институциональных механизмов обеспечения гендерного равенства [1, 9].

Результаты исследования могут быть использованы при разработке государственной политики в сфере гендерного равенства, совершенствовании законодательной базы и формировании региональных программ развития политического лидерства женщин. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на более детальное изучение региональной специфики

гендерного представительства, анализ эффективности различных механизмов продвижения женщин в политике, а также сравнительный анализ российского и международного опыта в данной сфере [3, 7, 10].

Список литературы

1. Айвазова С.Г. Гендерное равноправие в контексте прав человека. М.: Эслан, 2001. 180 с.
2. Шведова Н.А. Гендерное равенство в России в XXI веке в контексте международных обязательств: прогресс или упущенные возможности? // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 52-65.
3. Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917-2020 гг. // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: ИСПГ-Алетейя, 2021. С. 477-523.
4. Овчарова О.Г. Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты: автореф. дис. . д-ра полит. наук. Саратов, 2008. 46 с.
5. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: автореф. дис. д-ра социол. наук. Нижний Новгород, 2009. 43 с.
6. Чирикова А.Е. Женщина во власти и бизнесе: сравнительный анализ российских и французских практик // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 85-96.
7. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
8. Гнедаш А.А. Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 132-146.
9. Козлова Н.Н. Женщины в публичной политике: стратегии политического участия // Вестник ТвГУ. Серия: Экономика и управление. 2018. № 1. С. 176-183.

10. Попова О.В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 4. С. 461-475.

Апанашченко Ольга Владимировна, аспирант 3 курса, кафедры государственного управления ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск
E-mail: Olga.Apanas@yandex.ru

Apanashchenko O.V.

GENDER DIVERSITY OF POLITICAL ELITES IN POST-SOVIET RUSSIA

The article examines the problem of gender representation in the political elites of post-Soviet Russia. Based on a comprehensive analysis of statistical data and qualitative research, the main trends in the transformation of the gender composition of the political elite from 1991 to 2024 are identified. Special attention is paid to institutional and sociocultural barriers that prevent the achievement of gender parity in government bodies. The paper proposes mechanisms for overcoming existing limitations and forming a more balanced representation of women in the political elite of modern Russia.

Key words: *political elite, gender equality, post-Soviet Russia, women in politics, gender quotas, political representation, power institutions.*

Apanashchenko Olga V., 3rd year postgraduate student, Department of Public Administration, Luhansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk.
E-mail: Olga.Apanas@yandex.ru

УДК 327.39

Мазур О.Г., Ефименко А.М.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КАК ИНСТРУМЕНТА ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ

В статье проанализированы основные подходы и интерпретации феномена «мягкой силы» как неконвенционального способа влияния на политический процесс и расстановки политических приоритетов. Рассмотрен концепт «мягкой силы» с точки зрения отечественных и зарубежных политологических школ. Сделана попытка авторского определения феномена «мягкой силы» с учетом его адаптивного характера. В статье предложена методологическая систематизация осмысления несиловых методов влияния в политической сфере на основе изучения теоретических конструктов и политических практик их применения.

Ключевые слова: *мягкая сила, внешняя политика, внутренняя политика, теоретические подходы, культурная дипломатия, международные отношения, глобализация, политические стратегии, динамика «мягкой силы», современные теории.*

Актуальность. В последние десятилетия XX века феномен «мягкой силы» стал ключевым элементом в международных отношениях и внутренней политике стран. «Мягкая сила» (soft power) представляет собой разновидность неконвенциональных методов влияния в международной политике, основанную на способности государства достигать своих целей через привлечение и кооптацию, а не через принуждение или использование силы. В условиях глобальной интерконнектности и взаимозависимости

использование «мягкой силы» становится всё более востребованным инструментом для достижения внешнеполитических целей.

Технологические инновации, увеличение информационных потоков и культурная интеграция трансформируют подходы к применению этого инструмента, что требует её переосмысления и теоретического обоснования. Современная динамика мировых процессов, характеризующаяся политическими кризисами, экономическими и культурными изменениями, подчёркивает необходимость комплексного анализа «мягкой силы» как многогранного феномена, влияющего на различные аспекты государственной и международной деятельности.

Целью статьи является систематизация теоретико-методологических подходов к феномену «мягкой силы» как инструменту современной политической практики.

Объектом исследования являются теоретико-методологические подходы и концептуальные положения к изучению деятельности государств и международных организаций в современном политическом процессе.

Предметом исследования выступает феномен «мягкой силы» как альтернативный инструмент внешней и внутренней политики.

Степень научной разработанности. Феномен «мягкой силы» в современном научном дискурсе рассматривается с различных точек зрения, что обусловлено разнообразием методов и подходов к его исследованию. Среди российских ученых можно выделить В.М. Капицына, М.М. Лебедеву, Я.В. Лексютину, О.Г. Леонову, Е.Г. Пономарёву, И.В. Радикова, О.А. Тимофеева. Среди зарубежных исследователей стоит отметить работы следующих авторов: А. Грамши, Г. Ли, Дж. Най, Д. Керн.

Формирование и эволюция концепции «мягкой силы» были предопределены рядом важных факторов, отражающих изменения в сфере международной и национальной безопасности на рубеже XXI

века. В этот период мировое сообщество столкнулось с новыми угрозами и вызовами, такими как международный терроризм, экономические рецессии, локальные и региональные конфликты, рецидивы холодной войны, пиратство, природные и техногенные катастрофы, а также эпидемии и пандемии. Эти вызовы повысили уязвимость всех членов международного сообщества, что потребовало разработки нетрадиционных методов воздействия и защиты.

Воздействие инструментария «мягкой силы» в политико-нестабильных и социально-неблагополучных регионах мира повлияли на последующую конфигурацию их политических систем, и детерминировало политические трансформации, приведшие к смене политических режимов в отдельных государствах. Политические изменения в регионах Ближнего Востока, Северной Африки и в государствах СНГ стали логичным результатом применения технологий «мягкой силы». Массовые протесты и восстания против действующих режимов в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии, Йемене и других, привели к значительным политическим изменениям и получили название «Арабская весна».

Дестабилизация политических систем в указанных государствах путем финансирования и поддержки оппозиционных, радикальных и антиправительственных позиций, осуществляемая внутренними и внешними интересантами, оцениваются экспертами как основной фактор революционных преобразований [12]. Смена политического режима, в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии, способствовали установлению внешнего контроля над формированием и деятельностью новых правительств этих стран.

На постсоветском пространстве наиболее ощутимым результатом использования инструментов «мягкой силы» заинтересованными политическими акторами стала поддержка украинской радикальной оппозиции в период, когда руководство

страны определяло будущий вектор развития Украины в контексте пророссийской и проевропейской ориентации. «Евромайдан», инициированный и поддержанный украинской оппозицией и западными государствами, привел к значительным политическим изменениям в стране и разрыву дружественных отношений с Россией.

В условиях быстро меняющегося глобального политического ландшафта технологии «мягкой силы» приобретают значение важного элемента в борьбе за политическое влияние и достижение целей. Релевантность применения «мягкой силы» в современном политическом процессе затрагивает как внешнюю, так и внутреннюю политику, оказывая не только негативное, но и конструктивное влияние на политические процессы. Связано это с тем, что всё большее количество государств обращается к стратегиям «мягкой силы», рассматривая её как эффективный инструмент для реализации многих политических задач.

Внимание научного дискурса на успешность, эффективность, неконфликтность и востребованность инструментов «мягкой силы» обратил американский политолог, профессор Гарвардского университета Джозеф Най. К ним он относит культурное и идеологическое воздействие с помощью социально-ориентированных программ и фондов. Ему принадлежит авторство термина «мягкая сила». Ученый рассматривает ее как способность государства или организации достигать своих целей посредством привлечения и убеждения, а не принуждения или экономического давления [15]. По его мнению, «мягкая сила» основана на привлекательности культуры, политических идеалов и внешней политики государства. Культурное влияние подразумевает распространение ценностей и культурных практик, которые вызывают уважение и симпатию в других странах. Политическое влияние опирается на привлекательность политической системы и

модели государственного управления, а внешнеполитическая деятельность обеспечивает создание положительного имиджа на международной арене. Подход Дж. Найа актуализирует важность несиловых методов воздействия и их потенциал для достижения политических целей. Следует отметить, что изначальные идеи о «мягкой силе», предложенные Дж. Найем, в основном акцентировались на культурном и идеологическом влиянии. Однако со временем концепция расширилась, охватив также экономические, образовательные и технологические аспекты. Этот процесс отражает не только изменения в международной обстановке, но и развитие научного дискурса, в рамках которого исследователи стремятся глубже понять и оценить механизмы «мягкой силы».

В своих трудах политолог последовательно выделял понятие «мягкой силы» как фундаментальный элемент международной политики. В книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» он впервые вводит термин «мягкая сила», который трактуется как форма политической власти, основанная на добровольном участии, симпатии и привлекательности, контрастируя с «жесткой силой», которая подразумевает принуждение против воли [17]. В 2004 году в книге «Soft Power: The Means to Success in World Politics» автор вновь определяет «мягкую силу» как возможность добиваться результатов на основе добровольного участия и симпатии [18]. В издании «The Powers to Lead» Дж. Най уточняет, что «мягкая сила» – это способность достигать желаемого через привлекательность, а не путём принуждения или материальных компенсаций [19]. В работе 2011 года «The Future of Power» профессор описывает «мягкую силу» как способность влиять на других через сотрудничество, убеждение и положительное воздействие для достижения поставленных целей [20]. В труде «Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером», который впервые издаётся на русском языке в 2023

году, автор акцентирует внимание на «мягкой силе» как способности влиять на другие государства и общества через культурные, образовательные и информационные ресурсы. Дж. Най, через последовательное развитие и внедрение концепции «мягкой силы», внес значительный вклад в современную политическую теорию и практику, расширив горизонты понимания политической власти и её проявлений в международных отношениях.

Развивая идеи Дж. Найа, итальянский философ Антонио Грамши определяет «мягкую силу» как концепцию культурной гегемонии, которая подразумевает практику продвижения, выделения и искусственного внедрения культуры одного общества в другое [4]. Согласно А. Грамши, культурная гегемония представляет собой метод доминирования, при котором правящие классы утверждают своё господство не только через экономическое и политическое давление, но и через культурное превосходство. А. Грамши полагал, что культурная гегемония способствует формированию общественного консенсуса, поддерживающего существующие властные структуры. Однако политические события, такие как «Арабская весна» и протесты в странах СНГ, демонстрируют, что методы «мягкой силы» позволили оппозиционным движениям оспорить культурную гегемонию правящих элит. Это показывает несостоятельность предположения А. Грамши о том, что поколение, воспитанное на новой иностранной культуре, будет жить в гармонии с политическим режимом предыдущего поколения, выросшего на «старой» культуре. Практика свидетельствует, что технологии «мягкой силы» могут эффективно использоваться для трансформации культурной гегемонии и формирования новых политических реальностей.

По мнению американского профессора Дэвида Керна, для эффективного применения «мягкой силы» важен контекст и институциональная среда. Он отметил, что в академическом

дискурсе наблюдается тенденция к смешению таких понятий, как интересы, предпочтения и поведенческие модели, что приводит к терминологической и аналитической неопределённости. С точки зрения, Д. Керна «мягкая сила» как особый вид взаимодействия, характеризуется стремлением к достижению долгосрочных стратегических целей через косвенное, неявное влияние на объект, которое наиболее эффективно в рамках высоко институционализированных систем, где наблюдается консенсус относительно ценностей и интересов между государствами [15]. В таких условиях, по мнению ученого, «мягкая сила» способна оказывать существенное влияние, поскольку участники руководствуются общими целями и нормами поведения.

В свою очередь, китайский исследователь Гын Ли предложил альтернативное определение концепции «мягкой силы», дифференцируя ее на основе различия между «жесткими» и «мягкими» ресурсами. В отличие от традиционной трактовки Дж. Ная, который проводил различие между силой принуждения и силой сотрудничества, Г. Ли рассматривает «мягкую силу» с точки зрения структурного подхода. Он выделил «жесткие» и «мягкие» ресурсы, рассматривая «жесткие» – как материальные и военные средства, а «мягкие» ресурсы – как нематериальные активы, такие как культура, ценности и политические институты [8]. Подход Гын Ли имеет методологическое значение для анализа возможностей держав, ограниченных в доступе к «жестким» ресурсам, но обладающих потенциалом для развития «мягких» ресурсов. В рамках предложенной им концепции выделяется пять различных категорий «мягкой силы» по целевой направленности: культурная привлекательность, политические ценности, экономическое сотрудничество, образование и наука, международная помощь и гуманитарные программы.

Концепт «мягкой силы» активно исследуется российскими учеными и экспертами, что позволяет выявить различные подходы к ее применению и влиянию на международные отношения. По мнению доктора политических наук, профессора М. М. Лебедевой, «мягкая сила» и пропаганда имеют одну конечную цель – изменение настроения объекта в свою пользу [6]. Причем, методы, предлагаемые профессором, существенно отличаются от методов пропаганды, ориентированной на искажение восприятия и навязывание определенной точки зрения, «мягкая сила» основывается на принципе добровольности, исключая навязывание или искусственное стимулирование выбора. Вместо этого она предполагает формирование доверительных отношений между политическими субъектами, что способствует их долгосрочному и взаимовыгодному взаимодействию. Этот подход акцентирует внимание на этических аспектах «мягкой силы» и ее отличии от манипулятивных стратегий воздействия.

Доктор политических наук, профессор В.М. Капицын, в свою очередь, соотносит «мягкую силу» с идентичностью, обнаруживая в ней обширный субъективно-ценностный потенциал. Он подчеркивает коммуникативно-символические аспекты «мягкой силы» и считает, что воздействие «внешней» «мягкой силы», направленной на распространение космополитических идей, представляет угрозу для формирования гражданской идентичности. Исследователем вводится следующее определение: «мягкая сила» – это знаково-символьная подсистема в политической системе общества, которая активно влияет на политическую жизнь и способствует «обратной связи» [5]. Согласно данной позиции, «мягкая сила» визуализирует превосходство западных цивилизационных моделей, что способствует социальной фрагментации в незападных странах. В качестве релевантных параметров несилового воздействия он рассматривает уровень

образования, культурные традиции, а также другие социальные практики, способствующие формированию глобального мировоззрения и моделей поведения. На наш взгляд, В.М. Капицын раскрыл содержание «мягкой силы» с точки зрения конструктивистского подхода.

Инструментальный подход к изучению несиловых методов воздействия на общественное мнение и образ государства на внешнеполитической арене используется многочисленными российскими исследователями. В работах современных отечественных ученых анализируются российские культурные, образовательные и медийные инициативы как инструменты «мягкой силы». Значимую роль программ академического обмена и сотрудничества, культурных проектов и фестивалей в привлечении иностранных студентов и формировании положительного имиджа России отмечают О.Г. Леонова и О.А. Тимофеева [7, 12], И.В. Радиков и Я.В. Лексютина [11], Е.Г. Пономарева [10]. Исследователи считают, что фестивали и выставки русской культуры, присутствие российских медиа, открытие международных культурных центров способствуют укреплению межгосударственных и межнациональных связей, созданию альтернативных источников информации и противодействию фейкового, искаженного представления о России.

Изучение политического дискурса в сфере несиловых методов политики свидетельствует об активизации научного поиска в направлении концептуализации феномена «мягкой силы» и актуализации проблемы систематизации теоретико-методологических подходов к его изучению. На данном этапе развития теоретико-прикладных обоснований неконвенциональных методов влияния основными исследовательскими методами изучения нам представляются следующие:

Институциональный подход, который анализирует роль институтов и организаций в реализации политики мягкой силы. В рамках этого подхода по мнению Джозефа Ная, институты играют ключевую роль в формировании стратегий мягкого влияния через распространение ценностей и норм.

Конструктивистский подход, в свою очередь, дает возможность исследовать феномен «мягкая сила» с точки зрения формирования смыслов и идентичностей в международных отношениях. Ученые В.М. Капицын, М.М. Лебедева, Е.Г. Пономарева и О.А. Тимофеев, которые акцентируют внимание на важности восприятия и интерпретаций в процессе взаимодействия государств.

Наиболее перспективным, в отношении разработки концептуального видения феномена «мягкой силы», мы считаем структурно-функциональный подход, благодаря которому на анализе функций и взаимосвязей элементов политической системы можно выявить механизмы влияния и взаимодействия между акторами, формирующими международное пространство.

Исследователи Гын Ли и Д. Керн, акцентируя внимание на структурных аспектах, подчеркивают их значимость для понимания механизмов воздействия мягкой силы, особенно когда речь идет о формировании идентичностей и конструировании смыслов в международной среде, где восприятие и интерпретация играют ключевую роль, как отмечают В.М. Капицын, М.М. Лебедева, Е.Г. Пономарева и О.А. Тимофеев.

Разнообразие научных подходов к осмыслению «мягкой силы» повлекло за собой появление разнообразных интерпретаций данного феномена, что, детерминируется различиями в методологических основаниях, теоретических рамках и исследовательских задачах, стоящих перед отдельными авторами.

Изучение теоретико-методологических подходов к пониманию и трактовке феномена «мягкая сила» позволяет сформулировать авторское определение данной категории.

На наш взгляд, «мягкая сила» представляет собой возможность государства или негосударственного субъекта привлекать и кооптировать других посредством использования культурных, идеологических, политических и экономических ресурсов, способствующих достижению стратегических целей без применения принудительных мер или вооруженного вмешательства. Указанный потенциал адаптируется к трансформациям в глобальной среде, отражая динамику актуальных политических, экономических и социокультурных процессов, и совершенствуется в зависимости от изменений внешних и внутренних условий, что обеспечивает эффективное применение «мягкой силы» в различных ситуациях и на разных этапах государственного управления.

Результаты исследования показывают, что «мягкая сила» является сложным и многогранным феноменом, требующим дальнейшего изучения с учетом динамики глобальных политических, экономических и социокультурных процессов. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой предложенных теоретических моделей и анализом практического применения «мягкой силы» различными государствами в условиях нарастающей геополитической конкуренции.

Список литературы

1. Алиева Л., Амбарцумян К. Роль международной академической мобильности в усилении эффективности политики «мягкой силы» современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. – № 15 (2). – С. 197-216.

2. Бауман П. Сила, мягкая или глубокая? Попытка конструктивной критики // Лас Торрес де Лукка: Revista Internacional de Filosofia Politica. – 2017. – № 6. – С. 177–214.

3. Борисов А.В. «Мягкая сила» России: специфика понимания и оценки // Мировая политика. 2020. – № 1. – С. 1-11.

4. Грамши А. Тюремные тетради (избранное) //URL: royallib.com/book/gramshi_antonio/tyuremnie_tetradi_izbrannoe.html. – 1991.

5. Капицын В. М. Символы национальной идентичности как ресурс «soft power» // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1 (14). – С. 117.

6. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. – №3 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-ponyatie-i-podhody> (дата обращения: 20.01.2025).

7. Леонова О. Г. Мягкая сила - ресурс внешней политики государства // Обозреватель. – 2013. – № 4. – С.39.

8. Ли Г. Теория «мягкой силы» и стратегия «мягкой силы» Кореи // Korean Journal of Defense Analysis. – 2009. – Т. 21. – № 2. – С. 205–218. <https://doi.org/10.1080/10163270902913962>

9. Марлин-Беннетт Р. Темная сторона «мягкой силы» // Журнал политической власти. – 2022. – Вып. 1–19. doi:10.1080/2158379X.2022.2128278

10. Пономарёва Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» // Университет МГИМО. 2013. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document238257.phtml>

11. Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и междунар. отношения. 2012. – № 2. – С. 19-26

12. «Ситуация остаётся очень хрупкой»: что происходит в Ливии спустя десять лет после начала политического кризиса. URL: <https://ru.rt.com/hu6n>

13. Тимофеев О.А. Концепты «власть» и «сила» в зарубежной науке о международных отношениях // Учёные записки КНАГТУ. 2011. – № III-2 (7). – С. 27-33.

14. Трункос Дж. Тестирование влияния геополитики на использование «мягкой силы» европейскими демократическими странами // Журнал

политической власти. – 2022. – Вып. 1–24. doi: 10.1080/2158379X.2022.2127279

15.Kearn, D. W. The hard truths about soft power // Journal of Political Power. – 2011. – Т. 4. – № 1. – С. 65–85. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.556869>

16.Nye Jr, J. S. Hard, Soft, and Smart Power // Cooper A. F., Heine J., Thakur R. (Eds.). The Oxford Handbook of Modern Diplomacy. – Oxford University Press, 2013. – 990 p. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199588862.013.0031>

17.Nye Joseph S. Bound to lead: The changing nature of American power / Joseph S. Nye, Jr. – New York : BasicBooks, cop.1991. – 307 p.

18.Nye Joseph S. Soft power : the means to success in world politics / J. S. Nye. – 1st ed. – New York : Public Affairs, 2004. – 191 p.

19.Nye Joseph S. The Powers to Lead / Oxford University Press, 2008. – 240 p.

20.Nye Joseph S. The future of power / J. S. Nye. – 1st ed. – New York : Public Affairs, 2011. – 444 p.

21.Plano J. C., Olton R. Словарь международных отношений // [http://books.google.com.co/books?id=D-RbQgAACAAJ&dq=intitle:Словарь + международных + отношений&hl=&cd=2&source=gbs_api](http://books.google.com.co/books?id=D-RbQgAACAAJ&dq=intitle:Словарь+международных+отношений&hl=&cd=2&source=gbs_api)

Мазур Оксана Геннадьевна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация.

SPIN-код: 7378-7264,

E-mail: oksanamazur1974@gmail.com

Ефименко Анастасия Михайловна, ассистент, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», Луганская Народная Республика, г. Луганск, Российская Федерация.

SPIN-код: 9700-7083

E-mail: nastyusha.yefimenko@mail.ru

Mazur O.G., Efimenko A.M.

MODERN THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF «SOFT POWER» AS AN INSTRUMENT POLICY OF STATES

The article analyzes the main approaches and interpretations of the phenomenon of "soft power" as an unconventional way of influencing the political process and setting political priorities. The concept of "soft power" is considered from the point of view of domestic and foreign political science schools. An attempt is made to define the phenomenon of "soft power" by the author, taking into account its adaptive nature. The article proposes a methodological systematization of understanding non-violent methods of influence in the political sphere based on the study of theoretical constructs and political practices of their application.

Keywords: *soft power, foreign policy, domestic policy, theoretical approaches, cultural diplomacy, international relations, globalization, political strategies, dynamics of soft power, modern theories.*

Mazur Oksana Gennadievna, *Doctor of Political Science, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Luhansk People's Republic, Russian Federation.*

SPIN-код: 7378-7264

E-mail: *oksanamazur1974@gmail.com*

Efimenko Anastasia Mikhailovna, *assistant Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Luhansk People's Republic, Russian Federation.*

SPIN-код: 9700-7083

E-mail: *nastyusha.yefimenko@mail.ru*

УДК 323

Проскурина Е. А., Сундуков Д. Д.

**ПАТРИОТИЗМ КАК ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И КОНСОЛИДАЦИИ
ОБЩЕСТВА: ЛНР В КАЧЕСТВЕ УНИКАЛЬНОГО ОБЪЕКТА**

Статья посвящена проблеме патриотизма, имеющей огромное значение на фоне крайней мировой политической нестабильности. В условиях динамичных изменений в современном мире, в особенности на постсоветском пространстве, патриотизм становится ключевой движущей силой в политической мобилизации и консолидации общества. Авторы акцентируют внимание на особенностях патриотизма в Луганской Народной Республике. Анализируют процесс реинтеграции исторических земель в культурное пространство Российской Федерации, иллюстрируя сложности этого движения, отмечают разницу данного процесса с подобным процессом в Республике Крым.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое сознание, ЛНР, реинтеграция, социокультурное пространство, социальная идеология.

Актуальность проблемы. Патриотическое сознание, патриотическая культура становится важнейшим условием консолидации общества. Хрестоматийно, что в современных условиях глобальных политических потрясений, и особенно, в государствах, переживших или живущих на территориях в условиях войны, часто происходила деформация такого понятия как «патриот страны». Более того, имеет место быть изменения в представлении об «Отечестве», а искаженный взгляд о своем отечестве, как правило, приводит к потере собственной самобытности, национальной идентичности, ведет по существу к презрению истории и традициям своего народа.

Подобная ситуация, в конечном итоге, обнаруживает серьезную угрозу для безопасности страны. Патриотизм не только сегодня, но и всегда был ключевым фактором жизни любого государства. Это

важное качество личности, пренебрежение, которым приводит к потере ответственности за родную землю, страну, государство, а затем и потере самой Родины. Именно поддержание патриотических чувств обеспечивает стабильность, благополучие на родной земле.

Закономерно, что исторические и культурные детерминанты влияют на формирования патриотического сознание в ЛНР. Луганщина - регион, обладающий богатым культурно-историческим наследием и особыми связями с Россией. Это генерирует уникальную почву для развития специфического патриотизма, сочетающего в себе элементы местной индивидуальности и привязанности к российским культурным и политическим традициям.

Цель исследования – определение роли патриотизма в рамках непризнанной республики ЛНР и его влияние на политическую консолидацию и мобилизацию общества в условиях гражданской войны.

Объект исследования – патриотизм граждан ЛНР как социальный феномен в условиях гражданской войны, развязанной украинской властью против жителей Донбасса.

Предмет исследования – место и роль патриотизма в общественных отношениях непризнанной республики ЛНР.

Цель – определение места патриотизма в системе общественных отношений непризнанной республики ЛНР и его влияние на политическую мобилизацию и консолидацию общества.

Проблема патриотизма достаточно сложный и многогранный процесс. Феномен патриотизма характеризуется не только своей многогранностью содержания, но множественностью направлений, в которых он проявляется. Теоретическое осмысление феномена патриотизма пребывает в таком же разнообразии направлений и подходов в его осмыслении, как и само протекание явления преданности своей Родине.

Учитывая подобную сложность проблемы, авторы верифицировали знания о патриотизме на несколько тематических блоков, выделив в отдельный блок изыскания, посвященные патриотам и патриотизму на Донбассе.

Первая, достаточно большая группа в исследованиях патриотизма посвящена историческому аспекту [1, 2].

Следующий блок, посвящён анализу сущностной стороне явления патриотизма, а также его роли социально-политической жизни общества [3, 4].

Третья группа составляют труды, анализ которых сосредоточен на структурировании различных компонентов патриотизма [5, 6].

Особую группу составляют работы авторов, исследующих проблему патриотизма в контексте нации и национализма [7, 8].

Патриотизм становится объектом исследования «возможностей и значимости... в политической стабилизации государства, мобилизации и рекрутирования общества, способы использования... в осуществлении государственных стратегий...» в непокорённом Донбассе в лице непризнанных республик ЛНР и ДНР [9].

Результаты исследования. Важность патриотического воспитания молодого поколения в контексте просветительской деятельности внутри российского общества в современных условиях остается крайне востребовано и значимо. В основном докладе на международном дискуссионном клубе «Валдай» было отмечено, что цифровизация и глобализация значительно изменили характер взаимодействия. «Информация, как никогда ранее, распространяется быстро и охватывает огромные аудитории, что в свою очередь влечет к изменениям в общественном мнении и политических предпочтениях. Государства мира вынуждены адаптироваться к условиям мгновенного реагирования, тем самым, подрывая традиционные методы политики...» [10].

Таким образом, глобализация, информационные войны, культурные вызовы запустили процессы, благоприятствующие укреплению национальной идентичности, сопричастности к событиям происходящим как в мире, так и в самой России, а патриотизм по существу оказывается важным фактором социальной сплоченности и стабильности.

В современном мире власти многих стран деятельно занялись разработкой программ и выстраиванием алгоритмов формирования патриотического сознания у своего населения. Подобная практика выступает в качестве жизненно необходимой практикой для

сохранения целостности государства и предотвращения критического раскола в обществе. Кроме того, попытки найти замену патриотизму могут не только расколоть общество, но и запустить процесс распада государства. Мировая история развития человечества не единожды преподнесла урок, показав опасность и разрушительность национализма в тот момент, когда националистические идеи используются в качестве оружия для достижения своих целей. В истории множества стран и народов достаточно примеров, как легко и быстро идеологический принцип национального развития превращается во враждебный посыл для разжигания розни, конфликтов и войн.

Такого типа ситуация произошла на Украине. Это привело к расколу в обществе и гражданской войне. Идеи становления сильного национального государства превратились в националистическую враждебность, став разрушающим оружием украинского общества изнутри. Вместо того, чтобы сплотиться вокруг одной идеи, способной объединить многонациональное население страны, часть украинского общества оказались в плену фашиствующих националистических идеалов [2, с. 9-28].

Начиная с 90-х годов XX века Украина стала объектом серьезнейшего влияния западных технологий, повлекших за собой стремительный рост махрового национализма. Это явление, ранее существовавшее в скрытой и неактивной форме, в начале XXI века приобретает все большую популярность среди населения, а националистические идеи и символы наступательно распространяются и принимаются как норма. Россия же по ряду исторических, политических, экономических и других причин была менее подвержена подобному воздействию.

Продвижению к власти националистических групп способствовали, в целом, те же процессы, которые протекали, практически, во всех странах бывшего СССР в большей или меньшей степени. Это стремительная смена форм собственности, ряд социальных проблем, связанные с появлением рыночной экономики, болезненный удар по чувствам патриотизма всех жителей некогда великой и единой страны [7, с. 290-291].

После развала Советского Союза на Украине, как и других бывших советских республиках, наблюдался острый идеологический кризис, а рост региональных конфликтов и нестабильности достиг невиданных размеров.

Стало быть, политическая нестабильность в стране, кризисы, а затем и война на Востоке страны, экономические проблемы создали благоприятную почву для распространения крайне националистических идей, а часто и фашиствующей идеологии.

В сложившейся ситуации население страны, ища опору в идентичности в трудный период часто находит её в национализме, который предлагает им готовые ответы и решения. Вдобавок украинский национализм был поддержан различными политическими силами, а часто даже политиками, представляющими Донбасс. Партии и политики, используя националистические лозунги и обещания, привлекают избирателей, таким образом, укрепляют свою власть.

Объединение и интеграции социума Донбасса в этот период под националистическими лозунгами не произошло. Не случилось и объединение народа в один кулак для преодоления целого ряда кризисов. Гибельные реформы, проводимые националистами, привели к расколу в обществе и гражданской войне [8, с. 427-435].

Луганская Народная Республика, как и Донецкая Народная Республика, по сути, образовались как результат чуждой и даже враждебной для населения, на тот момент ещё, юго-востока Украины, идеологии ненависти и насилия, которая начала формироваться ещё на стыке двух тысячелетий [2, с. 226].

Как пример, это – «политика памяти» 2000-х годов. Она, прежде всего была направлена на декоммунизацию украинского прошлого, но наиболее ущербным в патриотических действиях украинской власти стало посмертное присвоение звания «Герой Украины» Шухевичу и Бандере. Подобные манипуляции обернулись сильнейшем ударом по самосознанию населения Донбасса и, в первую очередь, молодёжи. В целом же на Украине последнее десятилетия властями проводится активная деятельность, а часто насильственные инсинуации по ликвидации исторического

патриотического самосознания у населения страны, особенно, изгаясь над жителями Донбасса.

Патриотическое сознание играет ключевую роль в формировании коллективной идентичности и социальной стабильности. Через призму происходящего в Луганской Народной Республике патриотическое сознание молодёжи становится важным элементом социально-политической модернизации. Особенности формирования этого явления обусловлены как историческими и политическими факторами, так и влиянием современных технологий, образовательной политики и внешней среды.

Изначально, в 2014-м году, после образования Луганской Народной Республики, в обществе наблюдался активное формирование патриотического сознания, во многом связанное с угрозой со стороны вооружённых сил Украины и националистических батальонов, несмотря на долгое влияние иной системы ценностей [11, с. 94-95].

Становление патриотического сознания в тот период, когда ЛНР являлось непризнанным государством, повлияли ряд факторов.

В первую очередь, это – боевые действия, начатые правительством Украины под предлогом антитеррористической операции (печально известная АТО), а по сути, гражданская война. В связи с преступными действиями украинских властей, правительство Российской Федерации было вынуждено начать Специальную Военную операцию для обеспечения безопасности мирного населения ЛНР и ДНР и предотвращения распространения откровенно нацистской идеологии.

Во-вторых, это – введенные ограничения в свободе передвижения жителей Донбасса как по некогда единой стране (связанная с угрозой репрессий), так и на мировом уровне (связанная с непризнанностью Республики мировой общественностью).

Третьим фактором роста патриотизма в ЛНР становится неуважительное отношение, а часто и полное игнорирование мнения граждан ЛНР по поводу политического переворота на Украине; непризнание Луганской Народной Республики на международном уровне. Всё это повлекло за собой вынужденную изоляцию

общества Донбасса как в сфере коммуникации, так и в сфере передовых технологий [2].

По причине изоляции наблюдалось отсутствие стабильности в экономической, социальной и политической сферах жизни общества ЛНР. Это, как правило, присуще большинству непризнанных территорий, существующим в начальный период своего становления как государства.

Важнейшим фактором онтогенеза патриотического сознания в ЛНР явилась ломка общественного сознания в связи с обрушением относительно недавно выстроившихся системы ценностей и общего мировоззрения произошедшая в 2014-м году [4, с. 31].

Особенностью же развития патриотического сознания в ЛНР стало сочетание традиционных и современных методов воспитания. В условиях социальной нестабильности, вызванной постоянной угрозой собственной безопасности жизни и здоровья, молодёжь активно ищет способы самоидентификации, что делает патриотическое сознание значимым ориентиром. Тем не менее, существуют вызовы, связанные с экономической нестабильностью, миграцией и риск влияния на ещё полностью не сформированное сознание молодёжи через социальные сети.

В дальнейшем мы наблюдаем снижение уровня патриотических настроений. Постепенное снижение показателей характерен для периода 2017-2019-х гг., особенно подобная ситуация прослеживалась в молодёжной среде. Обусловлено это тем, что в тот период времени молодёжь Республики ощущала апатию и бесперспективность нахождения и продолжения жизни на территории ЛНР [12, с. 344].

Становления ЛНР как государственного образования проходило сложно. Республика столкнулась с необходимостью создания собственной системы политических и социальных институтов. В условиях внешнего давления и мобилизации внутренних ресурсов важной задачей стало формирование патриотически ориентированного мировоззрения у молодого поколения.

Правительство Луганской Народной Республики, осознавая значение патриотического сознания, ещё в период независимости республики сформировало законодательную базу в сфере

патриотизма и патриотического воспитания [13, 14, 15], опираясь на мировой опыт и, в первую очередь, опыт законотворчества Российской Федерации. Память поколений стала основой для воспитания патриотических ценностей. Символика, традиции и героизация событий конфликта интегрировались в образовательные программы, культурные мероприятия и информационные кампании.

Власти Республики сконцентрировали своё внимание на образовании, ведь оно играет ведущую роль в формировании патриотического сознания. Учебные заведения ЛНР активно используют историко-патриотические мероприятия, включая уроки мужества, экскурсии по местам боевой славы, участие в международных акциях памяти. Важным инструментом стало внедрение патриотического сознания через образовательные стандарты и внеклассные мероприятия. Молодёжные организации, такие как «Молодая гвардия» и другие общественные объединения, активно вовлечены в реализацию проектов, направленных на популяризацию патриотизма и гражданской активности.

Благодаря действиям такого рода, реинтеграция исторических земель России, а нынешних территорий ЛНР и ДНР, проходило более успешно в социокультурное пространство Российской Федерации. Кроме того, нельзя забывать, что у РФ уже имелся успешный опыт интеграции в своё культурное и экономическое пространство Республики Крым, хотя здесь и существует несколько отличий. Так, Крым вернулся в состав своей исторической Родины сразу целиком без полномасштабных боевых действий с целой, хоть и обветшалой инфраструктурой, чего нельзя сказать о республиках Донбасса.

Оценивая современную ситуацию на Донбассе, особо подчеркнем: непрекращающиеся боевые действия, длительную оккупацию Украиной части земель ЛНР и ДНР, население которых подверглось грамотной идеологической обработки. Даже на тех территориях, которые уже более двух лет назад были освобождены от оккупации есть люди, готовые передавать информацию украинским спецслужбам и всячески им содействовать.

Обратим внимание, что при все сложной экономической ситуации, длительных военных разрушительных действиях со

стороны украинской власти против народа Донбасса, жители Луганской и Донецкой Народных Республик смогли сохранить те же духовные ценности, на которых построена российская государственность [16, с. 100].

Для объединения идей и взглядов разных частей гражданского общества в единое цельное общественное сознание необходимо остановиться на феномене социальной идеологии.

«Социальная идеология – это система политических взглядов и идей, сформировавшихся под влиянием различных факторов в общественное мировоззрение ряда социальных групп и общих представлений большинства общества, основной задачей которого является сохранение либо создание независимого государства» [17, с. 17].

Сегодня существует различные социальные идеологии, в большей или меньшей мере распространённых в различных общественных группах, как отдельных государств, так и всего мира. Луганской Народной Республике, как и Российской Федерации в целом, присущи такие социальные идеологии как, например, рыночный либерализм, который поддерживает максимальную свободу торговли и конкуренции, но имеющий склонность деградировать до дикого олигархизма [18 с. 22-31].

Также достаточно большое число сторонников имеет интеллектуальный космополитизм, к которому относятся та часть общества, считающая себя так называемыми «гражданами Мира».

Или социальный анархизм, который категорически не отрицает институты государственной власти, и который позволяет определённой части общества существовать максимально дистанцируясь от политических процессов в тех границах, в которых им удобно.

Исторически многим гражданам нашей страны и вообще гражданам стран бывшего Советского Союза близка такая идеология как социальный утопизм (коммунизм), подразумевающий гарантию минимальных благ, предоставляемых вне зависимости от умственных способностей, умений и возможностей.

Социальная демократия либо народный капитализм. Данная социальная идеология предполагает справедливое распределение национальных ресурсов между всеми слоями общества.

Нельзя не упомянуть такую социальную идеологию как конфессионально-культурный национализм. Обычно она активно развивается в среде этнических групп через радикальную пропаганду национальной культуры. Часто отличительной чертой является открытое и даже вычурное возвышение исторического религиозного культа или религии.

Обособленно здесь стоит социальная идеология криминального плюрализма. Данная идеология распространена среди граждан, живущих за пределами юридических норм и законов по неформальным правилам преступного мира [19, с. 27-28].

Все приведённые выше примеры в той или иной мере можно встретить в обществе Луганской Народной Республики, как и во всей России. И именно патриотизм способен объединить представителей разных социальных идеологий общей идеей, так как патриотизм истинный сам по себе является позитивным, конструктивным, созидательным комплексом позитивных чувств и эмоций. Заняв место социальной идеологии, при правильном подходе, он способен консолидировать абсолютное большинство общества. Кроме всего прочего патриотизм способен обладать рациональным обоснованием в общественном сознании.

Подводя итоги, отметим, что патриотическое сознание молодёжи ЛНР формируется под влиянием уникальных историко-политических, образовательных факторов. В условиях стремительного становления Республики важным направлением остаётся интеграция патриотических ценностей в общественную и культурную жизнь, что способствует укреплению социальной сплочённости и формированию единого гражданского сознания.

Изначально особенности формирования патриотического сознания в Луганской Народной Республике были практически такими же, как и других де-факто существующих государств на территории постсоветского пространства. Это и угроза со стороны бывшего государственного центра, экономическая и политическая блокада, внутренние кризисы и полное отсутствие уверенности в

будущем. Но тот подъём патриотизма, что наблюдался сначала в 2014-м, а потом в 2022-м годах и дальнейшая успешная реинтеграция в Россию свидетельствует о верном пути формирования патриотического сознания у жителей Донбасса, на которое коренным образом не смогло повлиять ни длительное нахождение в составе Украины, ни угроза физического уничтожения, позволив нам вернуться в состав великой страны.

Список литературы

1. Сундуков Д.Д. Патриотизм как исследовательская проблема в политической истории России / Д. Д. Сундуков // Этносоциум и межнациональная культура – 2024 – № 12 (198) – С. 18-27.

2. Проскурина Е. А. Судьба непризнанных республик в контексте новых параметров мирового порядка. // Актуальные вопросы политического развития в государствах демократического транзита: материалы открытой заочной интернет-конференции. – Луганск, 18 марта 2021 года / под ред. О. Г. Михайловской. – Луганск, 2021. – 226 с.

3. Проскурина, Е. А. Социокультурная политика как инструмент распространения патриотизма / Е. А. Проскурина, Д. Д. Сундуков // Государственное и муниципальное управление: вчера, сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции (с международным участием). В 3-х частях, Луганск, 29–30 ноября 2023 года. – Луганск: ООО "Ноулидж", 2024. – С. 245-254.

4. Анпилогова, Т. Ю. Проблемы формирования гражданско-патриотической позиции студенческой молодежи Луганской народной республики / Т. Ю. Анпилогова // Гражданско-патриотическое воспитание детей и молодежи в 21 веке как ресурс личностного развития человека: традиции, инновации, перспективы исследования: Материалы Всероссийского научно-исследовательского, методического семинара-практикума с международным участием, Самара, 07–09 февраля 2018 года / Составитель и ответственный редактор Е.И. Тихомирова. – Самара: ООО "Научно-технический центр", 2018. – С. 29-35.

5. Кузьмин А. В., Трифонов Ю. Н. О структуре патриотизма // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2016. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-patriotizma>.

6. Тонконогов, А. В. Псевдопатриотизм как деструктивная идеология современной России / А. В. Тонконогов // Закон и право. – 2019. – № 5. – С. 27-30.

7. Проскурина Е.А. Политико-национальная идентичность народа Украины в контексте процессов глобализации: парадоксы постсоветской трансформации // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества. Электр. сб. тезисов участников VI Международного научного конгресса, МГУ имени М.В.Ломоносова 18-22 мая 2020 г. / под ред. И.В. Ильина. – М., ФГП МГУ им. М.В.Ломоносова, 2020. С.-290-291.

8. Проскурина Е.А. Постсоветская Украина: сложности становления политического пространства (к тридцатилетию распада СССР) // Научный вестник Луганского государственного аграрного университета. – Луганск: ГОУ ВО ЛНР ЛГАУ. – 2021. – № 4(13). – 427-435 с.

9. Лустенко, А. Ю. Механизмы формирования патриотизма в Луганской Народной Республике / А. Ю. Лустенко, Е. А. Проскурина, Д. Д. Сундуков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 3. – С. 57-65.

10. Олег Баранов, Тимофеев Бордачев, Федор Лукьянов, Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев. Мир снизу, или Шедевры евразийской архитектуры // Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. Ноябрь 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mir-snizu-vverkh-shedevry-evraziyskoj-arkhitektury/>.

11. Анпилогова Т. Ю. Формирование этнорегионального самосознания молодежи Луганской Народной Республики в контексте гражданско-патриотического воспитания / Т. Ю. Анпилогова // "Родина" как константа культуры: Международная научная очно-заочная конференция, Майкоп, 30 ноября – 02 2017 года / Адыгейский государственный университет, Институт искусств. – Майкоп: ООО "Электронные издательские технологии", 2017. – С. 92-97.

12. Анпилогова, Т. Ю. Особенности восприятия понятия "Родина" студенческой молодежью Луганской Народной Республики / Т. Ю. Анпилогова // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы III Международной научной конференции, Москва, 19 апреля 2019 года. – Москва: Учреждение высшего образования "Московский художественно-промышленный институт", 2019. – С. 343-346.

13. Закон «О системе патриотического воспитания граждан Луганской Народной Республики» (с изменениями, внесенными Законом Луганской Народной Республики от 08.11.2018 № 278-II) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1732/>.

14. Об утверждении Государственной целевой программы «Патриотическое воспитание подрастающего поколения Луганской Народной Республики на 2016-2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sovminlr.ru/akty-soveta-ministrov/postanovleniya/6690-ob-utverzhenii-gosudarstvennoy-celevoy-programmy-patrioticheskoe-vospitanie-podrastayushchego-pokoleniya-luganskoy-narodnoy-respubliki-na-2016-2020-gody.html>.

15. Об утверждении Положения о Координационном совете по вопросам патриотического воспитания детей и молодежи при Министерстве образования и науки Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sovminlr.ru/akty-ispolnitelnyh-organov/ministr-obrazovaniya-i-nauki/25129-ob-utverzhenii-polozeniya-o-koordinacionnom-sovete-po-voprosam-patrioticheskogo-vospitaniya-detey-i-molodezhi-pri-ministerstve-obrazovaniya-i-nauki-luganskoy-narodnoy-respubliki.html>.

16. Бродовская, Е. В. Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ДНР: результаты социологического исследования в 2023 году / Е.В. Бродовская, А. Ю. Домбровская // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 6. – С. 88-102.

17. Тонконогов А. В. Социальная идеология современной России [монография] / А.В. Тонконогов, Ю.Л. Шелудько. – Москва: РГАУ-МСХА, 2017. – 157 с.

18. Мельник, В. А. Политические идеологии: учебное пособие / В. А. Мельник. – Минск: Вышэйшая школа, 2009. – 399 с

19. Тонконогов, А. В. Псевдопатриотизм как деструктивная идеология современной России / А. В. Тонконогов // Закон и право. – 2019. – № 5. – С. 27-30.

Проскурина Елена Александровна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР, Российская Федерация
E-mail: plamenik48@gmail.com

Сундуков Даниил Дмитриевич, аспирант кафедры государственного управления ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, ЛНР, Российская Федерация
E-mail: Helg1998@yandex.ru

Proskurina E. A., Sundukov D. D.

**PATRIOTISM AS A SIGNIFICANT ELEMENT OF POLITICAL
MOBILIZATION AND CONSOLIDATION OF SOCIETY:
LNR AS A UNIQUE OBJECT**

The article is devoted to the problem of patriotism, which is of great importance against the background of extreme global political instability. In the context of dynamic changes in the modern world, especially in the post-Soviet space, patriotism is becoming a key driving force in political mobilization and consolidation of society. The authors focus on the features of patriotism in the Lugansk People's Republic. They analyze the process of reintegration of historical lands into the cultural space of the Russian Federation, illustrating the complexities of this movement, and note the difference between this process and a similar process in the Republic of Crimea.

Key words: *patriotism, patriotic consciousness, LPR, reintegration, socio-cultural space, social ideology.*

Proskurina Elena Aleksandrovna, *Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration Vladimir Dahl Luhansk State University, Lugansk, LPR, Russian Federation.*

E-mail: *plamenik48@gmail.com*

Sundukov Daniil Dmitrievich, *Postgraduate Student of the Department of Public Administration, Vladimir Dahl Luhansk State University, Lugansk, LPR, Russian Federation.*

E-mail: *Helg1998@yandex.ru*

УДК 328.1

Криеренко А.В.**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНСТИТУТА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ**

В статье осуществлена попытка проанализировать основные теоретико-методологические подходы к исследованию феномена парламентаризма. Автором проанализированы ключевые теоретические разработки в сфере народного представительства в органах законодательной власти. Выделены качественные этапы становления теории парламентаризма с учетом классических и новейших научных подходов.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, народное представительство, Новое время, конституции, принцип разделения властей.

В фундаментальной работе «Демократия и пределы самоуправления» один из наиболее влиятельных теоретиков демократического устройства А. Пшеворский указывал на ключевые условия для становления демократии, среди которых он выделял институт представительства и «выполнение коллективных решений избранными представителями» [27]. Эволюция политических систем и институтов в процессе исторического развития предоставляет множество примеров демократической трансформации политических режимов путем создания представительных органов власти и управления. В условиях утверждения демократии принцип

представительства интересов граждан при формировании политико-властных структур приобретает определяющее значение.

Логическим результатом институционализации данного принципа привело к формированию института парламентаризма, который стал предметом научной рефлексии философской и политической мысли.

История данного политико-правового феномена насчитывает несколько столетий, хотя он сформировался позднее других государственно-правовых институтов таких, как глава государства, административный аппарат или вооружённые силы. Именно появление парламентаризма до сих пор является дискуссионным вопросом. Так, в научной литературе, наиболее распространённой является позиция, согласно которой первым в мире парламентом считается английский представительный орган [9, с. 178]. Однако, исторические свидетельства позволяют утверждать о более ранних формах коллективного обсуждения и принятия решений путем голосования. Так, по данным выдающегося исследователя исландской культуры Э. Ольгейрссона, первое подобное собрание свободных людей – альтинг – состоялось в 930 году на юго-западе Исландии, в местности, известной как Равнина народных собраний (исл. Þingvellir) [17, с. 87].

Безусловно, остаётся открытым вопрос, можно ли считать альтинг полноценным парламентом в современном понимании этого термина. Тем не менее, по нашему мнению, первоначальный альтинг представлял собой воплощение идеи принятия важных общественных решений органом народной демократии, которая впоследствии получила дальнейшее развитие в европейской политической традиции и стала одной из основ современной демократии.

Этимологический анализ термина «парламент» дало возможность группе исследователей выдвинуть гипотезу о том, что в восточнославянские языки оно проникло через польский с итальянского. Однако более устоявшаяся позиция возводит его

происхождение к французскому parler (говорить, обсуждать) [10, с. 6].

На наш взгляд, такие своеобразные «странствия» термина указывают на то, что политической науке до сих пор не удалось точно определить исходную точку формирования института парламента и парламентаризма как политико-правового явления. Тем не менее, можно утверждать, что феномену парламентаризма в течение своего эволюционного развития свойственно воплощение в практику государственного строительства идей народного представительства и права населения страны на принятие участия в принятии законов и других решений, которые имеют значение для всего общества.

Таким образом, актуальность исследования института парламентаризма заключается в недостаточной изученности данной тематики в отечественной и зарубежной научной литературе, выделение ее ключевых аспектов. Для создания определенной системы в исследовании выбранной темы, реализации принципов объективности, полноты, логической непротиворечивости важным нам представляется комплексное применение научных методов на основе обобщения научной литературы.

Целью данной статьи является систематизация ключевых этапов теоретико-методологического обоснования теории парламентаризма в исторической ретроспективе.

Предмет исследования: парламентаризм как теоретический феномен и политическая практика представительства.

Объектом исследования являются философские и политологические конструкты общественных явлений и процессов.

Степень научной разработанности проблемы. Истоки идеи парламентаризма восходят к временам становления первых форм государственных институтов. Хотя подавляющее большинство исследователей придерживаются позиции, что институционализация парламентаризма в современном понимании началась с конца XVIII

века. Именно с периода становления капитализма как политического проявления утверждения капиталистического способа производства, в политической сфере характерно расширение гражданских прав и политических свобод. Становление парламентаризма как политического института знаменовалось рядом ключевых преобразований, в частности: отказ от сословного принципа; реализация идеи народного представительства, расширение их компетенций, а также утверждение всеобщего избирательного права парламентов на основе конституций государств; постепенное восприятие идеи ответственного правительства и внедрение принципа распределения властей; развитие партийной системы; формирование определенного уровня политической культуры граждан.

Изучение процесса становления и развития теории парламентаризма позволяет выделить этапы становления данной концепции. Так, фундаментальные основы парламентаризма, рассматриваемые через призму теории разделения властей, народного суверенитета и верховенства права, получили свое обоснование в трудах Г. Гегеля [6], Г. Гроция [7], Дж. Локка [13], Ш. Л. Монтескье [15], Ж.-Ж. Руссо [18], в XVII – XVIII веках. Классические труды упомянутых исследователей предоставляют возможность понять сущность такого комплексного явления как «парламентаризм» и определить его ключевые структурные элементы.

Результаты исследования. Общепризнанным в научном дискурсе является утверждение, что современное понимание института парламента зародилось в эпоху европейских буржуазных революций. Именно тогда появились идеологические направления, заложившие основы общественно-политического устройства, опирающегося на идеи личной свободы и народного суверенитета. Ключевым концептом в этом контексте становится идея общественного договора между свободными гражданами для

защиты и наиболее полной реализации естественных прав. Английский философ и политический деятель, основатель системы классического либерализма Дж. Локк в собственной концепции разделения власти придавал приоритет парламентской ветви, поскольку именно через неё, как он утверждал, выражается суверенная воля народа, определяющая направление государственной политики [13, с. 62]. Кроме того, Дж. Локк подчеркивал целесообразность формирования двухпалатной структуры представительного органа с целью обеспечения репрезентации различных социальных групп.

В свою очередь, французский философ Ш. Монтескье разработал оригинальное представление структуры государственной власти в виде разделения ее на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. По мнению философа, данное разделение оправдано и является сдерживающим фактором сущности человеческой природы, а именно злоупотребление власти. В рамках данной парадигмы, каждая из ветвей власти обладает равным статусом и призвана сдерживать другие, обеспечивая тем самым политическое равновесие и защиту личной свободы. Вместе с тем, подход Монтескье выходит за рамки функционализма и представляет собой институциональное распределение политических сил. Признавалась недопустимость передачи всех видов власти в руки одного индивида или группы. Именно в теории разделения Ш. Монтескье появляется идея представительства народа в органах власти. По мнению ученого, к участию в исполнении государственной власти необходимо допустить все сословия, поскольку, если законодательный, исполнительный и судебный орган будут состоять из представителей только одного из них, то принцип разделения власти не будет реализован. Мыслитель утверждал, что «законодательная власть ... имеет право и должна рассматривать, каким образом приводятся в исполнение созданные ею законы» [15, с. 294-296]. В фундаментальном труде «Дух

законов» Ш. Монтескье обосновывает двухпалатную структуру законодательного органа как эффективного средства взаимного сдерживания исполнительной и законодательной власти через право отмены законопроектов.

Английский политический деятель и философ, один из основателей классического консерватизма Э. Берк, основываясь на опыте Французской революции, проанализировал такие сопутствующие недостатки представительства, как пренебрежение интересами избирателей и коррупционные практики среди политической элиты. Решением этих проблем он видел в отмене избирательных округов и мажоритарных выборов, а также введением партийного представительства [3, с. 17]. Кроме того, мыслитель выступал против принципа императивного мандата, настаивая на том, что парламент не должен быть ареной борьбы узконаправленных интересов. Он подчеркивал, что Парламент – это «совещательная ассамблея одного народа, с одним интересом» [2, с. 49-50].

Кроме того, в этот период начала формироваться концепция «сдержек и противовесов». В видении американских «федералистов» О. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея все три ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная – являются равноценными, что обеспечивает им возможность взаимного контроля и сдерживания [23, с. 124, 215-216, 297-298]. Признавая идею народного суверенитета, считая выборы наиболее эффективным средством формирования властных институтов, создатели американской конституции остерегались взрыва так называемых «народных страстей» – проявлений массовой воли, способной привести к тирании большинства. Так, Дж. Мэдисон фактически отождествляет «тиранию большинства» с «тиранией правительства», т.е. авторитаризмом. Согласно позиции этого мыслителя, двухпалатность повышает ответственность представительных органов перед избирателями. Предложенная им

модель Федеративной Республики с представительным правлением лишает фракцию большинства в парламенте возможности подавлять права меньшинств. Двухпалатная конструкция парламента, по мнению классиков американской политической мысли, защищает республику от забвения ее руководителями своих обязательств перед избирателями, препятствует принятию непродуманных решений, содействует институциональной преемственности в условиях регулярной ротации членов Палаты представителей. Таким образом, в американской политической системе ветви власти разделены, функционируют независимо друг от друга, а также обладают равным политическим весом.

Этап институционализации парламентаризма в XIX веке ознаменовал собой качественно новый уровень развития представительной демократии. Для этого периода характерно закрепление парламента как основополагающего института публичной власти на конституционной основе в подавляющем большинстве стран, существовавших в то время на политической арене мира. Избирательное законодательство, разрабатываемое в это время, позволило создать правовую базу для регулирования выборов членов высших представительных органов. В результате, парламент приобретает исключительные полномочия в сфере законотворчества, становясь единственным субъектом, обладающим правом легитимного принятия нормативных актов. Также формируются ключевые компоненты современной парламентской модели: регламентируется законодательная инициатива, формализуется правовой статус парламентариев, выстраиваются взаимодействия между законодательной и исполнительной ветвями власти, а также между парламентом, политическими партиями и средствами массовой коммуникации.

Значительный вклад в теоретико-методологическое осмысление парламентаризма в XIX в. внес английский философ, идеолог либеральной демократии И. Бентам. Его идеи стали основой для

либеральной концепции представительной власти. Так, центральное место данной теоретической модели занимала идея всеобщего избирательного права как механизма трансляции общественных интересов в плоскость институционального управления. По его мнению, легитимность представительной системы должна опираться на ряд основополагающих принципов: во-первых, проведение прямых выборов; во-вторых, осуществление постоянной сменяемости депутатов; в-третьих, заранее заданные условия для избирателей и кандидатов; 4) пропорциональное распределение депутатов по территориям. Также следует отметить, что согласно И. Бентаму, представительная демократия, основанная на всеобщем избирательном праве, является единственной рациональной формой правления. В представительной демократии частные интересы, опосредованные соответствующими государственными учреждениями, обретают форму общего блага [1, с. 204]. Кроме того, мыслитель считал, что регулярное переизбрание парламента будет способствовать его подотчетности и отклику на запросы электората. Но, акцентируя внимание на преимуществах народного представительства, не допускал мысли о доминировании в парламенте отдельных политических групп, возможном превосходстве так называемого большинства. Ученый считал, что одним из способов избежать парламентской тирании является создание двух собраний, совместная работа которых необходима в процессе законотворчества.

Идеи И. Бентама нашли свое развитие во второй половине XIX века в концепциях британской школы утилитаризма. В частности, наиболее известным представителем является Джон Стюарт Милль, который проанализировал сам характер народного представительства. Он считал, что народное представительство должно быть организовано на принципах справедливости и целесообразности. А для этого, исходя из логики политической рациональности, оно должно иметь пропорциональный характер.

Существенную роль в его концепции занимает идея «ответственного и представительного правления» и объяснению взаимодействия правительства и парламента [16]. Базовым принципом политических выборов считается утверждение Дж.-Ст. Милля о том, что представительское правление возможно только при условии пропорционального представительства. Исходя из того, что выборы являются важным политическим институтом, мыслителем подчеркивалась необходимость издания специальных избирательных законов.

Проблематика институциональной защиты прав парламентского меньшинства получила концептуальное развитие в работах немецкого правоведа и юриста Г. Эллинека. Исследователь акцентировал внимание на специфических формах парламентского меньшинства, механизмах выражения протеста и попытках воздействия на легитимность принимаемых решений, таких как: обструкцию (отказ от голосования) и сецессию (уклонение от участия в пленарных заседаниях). Он отмечал, что когда парламентское большинство игнорирует волю оппонентов, то в таком случае решения парламента становятся уязвимыми с политической точки зрения. Г. Эллинек подчеркивает, что понятия «парламентское большинство» и «парламентское меньшинство» являются прежде всего политическими, а не правовыми категориями. С его точки зрения, единственным устойчивым способом преодоления институционального противостояния в парламенте является выстраивание системы компромиссного взаимодействия между конкурирующими политическими субъектами [26].

На рубеже XIX – XX вв. в научном дискурсе предпринимаются попытки оценки влияния парламентаризма на определение формы правления государства. В многочисленных исследованиях отмечалось, что в основе классификации форм правления лежит характер подконтрольности правительству. Однако в научных

трудах этого периода термин «парламентаризм» ещё не имел устойчивой категоризации, а чаще данный феномен назывался «парламентским строем», «парламентским режимом», «парламентским государством», «кабинетной системой», «парламентарной системой» или «представительной системой» [19].

Наряду с позитивными интерпретациями, в политической философии XVIII века проявились и критические подходы к парламентаризму как опосредованному представительству народа. Особенно отчетливо это прослеживается у французского философа Ж.- Ж. Руссо. Исходя из идеи о народе как единственном источнике власти, он отвергал делегирование полномочий представителям и настаивал на институционализации механизмов прямой демократии. Философ утверждал, что «Английский народ был свободным лишь в течение одного дня, когда он избрал свой парламент. После этого народ живет в рабстве, он – ничто» [18, с. 281]. В рамках разработанной им теории народного суверенитета приоритет отдавался формам непосредственного участия граждан в законотворчестве. По мнению Руссо, такое участие обеспечивает политическую свободу, поскольку каждый гражданин дает согласие на те законы, которые регулируют жизнь общества, каждый подлежит законам, в создании которых сам участвует. Поэтому, Ж.- Ж. Руссо отрицал свободный мандат и в целом отрицательно относился к представительному правлению.

Новейшая история многих государств богата парламентскими кризисами, что зачастую используется как аргумент против эффективности данного политического института. Однако исторический опыт свидетельствует, что бороться с негативными проявлениями представительной системы можно не путем сужения народного представительства, а путем институционального укрепления демократии и повышения уровня политической культуры граждан.

Далеко не всегда критические взгляды на парламентаризм оставались постоянными. Например, французский мыслитель А. де Токвиль изначально находился на позициях критического анализа работы парламентов, но со временем проявлял все более умеренное отношение к системе народного представительства. В центре его размышлений находился не вопрос целесообразности свободы как таковой, а проблема способности народа к её ответственному использованию [22]. Наибольшей заслугой американской демократии ученый считает систему сдержек и противовесов, а также принцип разделения властей.

Теории немецкого социолога М. Вебера объединили парламентские идеи нового и Новейшего времени. В рамках разработанной им теории легитимности власти, конституционность и парламентаризм рассматривались как высшие формы институционального признания политического порядка. Мыслитель проанализировал преимущества и недостатки плебисцитарной и представительной демократии и поставил вопрос об их соотношении. Самым главным недостатком плебисцитарной демократии он считал «цезаристскую» трансформацию выбора лидеров. В условиях функционирования парламентаризма, как считал М. Вебер, эта угроза значительно уменьшается. Он отказался от узкого понимания парламентаризма и вывел формулу многофункционального назначения парламентов и парламентаризма в политической системе государств. Он выделил четыре стратегически важных назначения парламента в демократической системе: 1) обеспечение институциональной преемственности власти; 2) взаимный контроль между ветвями власти; 3) обеспечение общественного контроля над политическими элитами; 4) возможность мирного и легального отстранения от власти «цезаристского диктатора, потерявшего доверие масс» [4, с. 634-635].

Рост разнообразия демократических режимов актуализировал необходимость их классифицировать, что способствовало формированию компаративистского направления в политической науке. Ряд исследователей, такие как Р. Даль, А. Лейпхарт, Дж. Сартори и другие стремились выявить те критерии, которые способствуют развитию демократии в каждой отдельно взятой стране. Популярным становится представление о том, что демократизация обществ зависит не только от социально-экономических условий, но и от институционального построения политической системы. В этом контексте двухпалатный парламент оценивается как фактор повышения эффективности последней. Например, Дж. Сартори, изучая опыт существования бикамеральных структур, обращает внимание на эффективность существования двухпалатности в унитарных государствах: «чем больше две палаты неравноправны, тем больше можно разрешить непохожести, и наоборот – чем сильнее двухпалатная система, тем больше мы должны добиваться сходства» [28, с. 180].

Концепция А. Лейпхарта базируется на критике мажоритарного принципа и поддержке консенсусной демократии. Исходя из его подхода, сосредоточение власти в руках большинства связано с существованием однопалатного парламента и не может быть применено в многосегментированных плюралистических обществах, резко разделенных по религиозным, идеологическим, языковым или расовым признакам. В таких политико-культурных контекстах подходит модель консенсусной демократии, построенной на принципах существования широкой коалиции, взаимного вето или правила «совпадающего большинства», соразмерности как главного принципа политического представительства, автономности каждого сегмента в управлении своими внутренними делами [12]. Так, консенсусная демократия позволяет сбалансировать властные полномочия между исполнительной и законодательной ветвями, в условиях существования двухпалатного парламента, федеральной и

децентрализованной структурой правления, многопартийности и выборами на основе пропорционального представительства.

Альтернативой парламентской демократии и любой формы мажоритаризма может рассматриваться плюралистическая демократия. Это понятие трактует Э. Хейвуд как политическую систему, в которой основным источником легитимации власти выступают конкурентные выборы в представительные органы, в которых принимают участие несколько партий [24, с. 97]. Это такое демократическое правление, при котором социальные запросы формулируются группами лиц, объединенными общими интересами. Так, плюралистическая демократия акцентирует внимание не столько на институциональных формах власти, сколько на механизмах посредничества между обществом и государством.

Вышесказанное позволяет утверждать, что в XIX – XX веках институт парламентаризма окончательно утвердился как один из базовых элементов демократической государственности. Его распространение сейчас воспринимается как синоним общественного прогресса. Современное понимание феномена парламентаризма, сложившееся в зарубежной политической мысли, отождествляется с такими категориями, как «верховенство парламента», «суверенитет законодательной власти», «приоритет представительного правления».

Однако в 50-тых–60-тых гг. XX века в работах таких зарубежных исследователей, как М. Дюверже, Е. Хубнера, К. Шмита начала форма формулироваться проблематика кризиса европейского парламентаризма, связанного с недостатками парламентской формы правления. Возрастание компетенций и ролей парламентских структур в современных политических системах формирует новые вызовы институционализации, что детерминирует необходимость переосмысления теоретической базы парламентаризма и реконцептуализации данного понятия.

В отечественной политической науке проблематика парламентаризма и развития представительских институтов активно исследуется с конца 80-х — начала 90-х годов XX века. В период становления независимого российского государства проявились трудности в процессе демократизации политических институтов, в том числе и парламента. Современный научный дискурс в российской политологии демонстрирует широкую палитру теоретико-методологических стратегий изучения института парламентаризма в современной России. Так, в рамках институционального подхода, парламентаризм стал предметом изучения И.Р. Калимуллиной, А.А. Керимова, Л.А. Сидоренко, Е.П. Соколовой, А.И. Щербинина [8; 10; 19; 21; 25]. Исследовательский интерес к реальным практикам парламентаризма с помощью неинституционального инструментария реализуют М.М. Ковалева, Е.П. Соколова [21]. Интеракционный подход к исследованию парламентаризма применяют М.А. Могунова, В.Н. Колесников [14; 11] и др., что свидетельствует о многоаспектности современного осмысления парламентаризма в российской политической науке.

Выводы. Таким образом, исследование исторических предпосылок и научных представлений о возникновении и институционализации народного представительства дает возможность выделить ключевые этапы теоретико-методологического обоснования института парламентаризма.

Идея парламентаризма как института народного представительства впервые была анонсирована в контексте концепции разделения властей, учения о народном суверенитете и верховенстве закона в период европейских политических трансформаций XVII – XVIII веков. Теоретическое обоснование парламентаризма стало предметом научных изысканий Дж. Локка, Г. Гроция, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье, Г. Гегеля.

Качественный скачок в теоретическом познании и политических практиках парламентаризма произошел в XIX в., когда парламенты подавляющего большинства стран, существовавших на политической арене мира, формируются как государственный институт на конституционной основе. Получили новационное осмысление идеи о представительной власти, защите прав меньшинства в парламенте в работах И. Бентама, Дж. Ст. Милля, Г. Эллинека.

В XX в. нашли теоретическое обоснование такие важные элементы парламентаризма как демократическое избирательное право, полномочия представительного законодательного органа, доктрина распределения властей, концепция сдержек и противовесов. Наиболее весомый вклад в развитие теории парламентаризма в этот период сделали М. Вебер, А. де Токвиль, Р. Даль, А. Лейпхарт, Дж. Сартори.

В новейшую эпоху парламенты и парламентаризм заняли одно из видных мест в политической системе общества. Современные исследователи значительно углубили знания о характере и полномочиях представительного законодательного органа, его влиянии на общественно-политические процессы в государстве. В отечественной политической науке проблематика парламентаризма и развития представительских институтов активно исследуется с конца 80-х — начала 90-х годов XX века. Наиболее востребованными в отечественной политической науки стали институциональный (И.Р. Калимуллина, А.А. Керимов, Л.А. Сидоренко, Е.П. Соколова, А.И. Щербинин), неоинституциональный (М.М. Ковалева, Е.П. Соколова), интеракционный (М.А. Могунова, В.Н. Колесников) подходы.

Список литературы

1. Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства / И. Бентам. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 415 с.
2. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Э. Бёрк. – М. : Мысль, 1993. – 173 с.
3. Берк Э. Правление, политика и общество. Сборник./ Э. Бёрк; [пер. с англ.] / сост., вступ. ст. и коммент. Л. В. Полякова. – М.: Канон-Пресс-Ц Кучково Поле, 2001. – 485с.
4. Вебер М. Парламент и правительство в реконструированной Германии / М. Вебер // Антология мировой правовой мысли. – М. : Мысль, 1999. – Т. 3. – 830 с.
5. Булаков О. Парламентское право. Курс лекций / О. Булаков, И. Рязанцев. – М.: Юстицинформ, 2007. – 139с.
6. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель; [пер. с нем.] / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
7. Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций ; [пер. А. Л. Саккети]. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
8. Калимуллина И.Р. Особенности становления парламентаризма в современном российском обществе [Текст] / И.Р. Калимуллина: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2009. - 26 с.
9. Карпухина И.А. Институт парламентаризма: его сущность и основные признаки / И.А. Карпухина, Е.Г. Абраменко // Проблемы управления. – 2009. – № 1. – С. 178-181.
10. Керимов А.Д. Парламентаризм: сущность и определение [Текст] / А.Д. Керимов // Политика и общество. - 2009.- № 12. - С. 16–20.
11. Колесников В.Н. Функциональная ценность парламентской культуры [Текст] / В.Н. Колесников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2010. Вып. 2. – С. 33–39.

12. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Аренд Лейпхарт ; [пер. с англ. Б. И. Макаренко] – М. : Аспект Пресс, 1997. – 287с.

13. Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. / Джон Локк. – М. : Весь мир, 1988. Т. 3: Два трактата о правлении. – 1988. – 68 с.

14. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. - 350 с.

15. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье ; [сост., пер. и коммент. А. В. Матешук]. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.

16. Милль Дж. Ст. Рассуждения о представительном правлении / Дж. Ст. Милль ; [пер. с англ.]. – Челябинск : Социум, 2006. – 384 с.

17. Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа / Ольгейрссон Э. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. – 330 с.

18. Руссо Жан Жак. Об общественном договоре. Трактаты : / Жан Жак Руссо; [пер. с фр.] – М. : КАНОН-пресс-Ц, 1998. – 416 с.

19. Сидоренко Л.А. Идеи парламентаризма в российской политической мысли XIX века : автореф. дис. ...канд. полит. наук. Саратов, 2002. – 19 с.

20. Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика [Текст] / под общ. ред. О.Н. Булакова. М. : Эксмо, 2005. - 320 с

21. Соколова Е.П. Пресса и парламентаризм в политическом процессе России [Текст] / Е.П. Соколова : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2005. - 22 с.

22. Токвиль А. де. Демократия в Америке / Токвиль Алексис де.; Пер. с франц. В. П. Олейника, Е. П. Орловой, И. А. Малаховой, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцова; Предисл. Гарольда Дж. Ласки; Комм. В. Т. Олейника. — М.: Прогресс, 1992. — 554 с.

23. Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. – М. : Прогресс, 1993. – 590 с.

24. Хейвуд Э. Политология: [учебник для студентов вузов] / Э. Хейвуд ; пер. с англ., под ред. В. В. Водолазова, В. Ю. Бельского. – М. : Наука, 2005. – 230 с.

25. Щербинин А.Г. Парламентская культура [Электронный ресурс] / Г. Щербинин. URL: <http://duma.tomsk.ru/page/8313> (дата обращения: 01.03.2025).

26. Эллинек Г. Права меньшинства / Г. Эллинек – М. : Мысль, 1986. – 165 с.

27. Przeworski, A. Democracy and the limits of self-government / Przeworski, Adam. - New York : Cambridge University Press, 2010. – 200p.

28. Sartori G. Comparative constitutional engineering / Giovanni Sartori. - New York University Press, 1994. – 242p.

Криеренко Александр Валерьевич, аспирант кафедры государственного управления ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск.

E-mail: krierenko.a.v@nslnr.su

Krierenko A.V.

THEORETICAL ASPECTS OF STUDYING THE INSTITUTION OF PARLIAMENTARISM IN HISTORICAL RETROSPECT

The article attempts to analyze the main theoretical and methodological approaches to the study of the phenomenon of parliamentary. The author analyzes the key theoretical developments in the field of popular representation in the legislative authorities. The qualitative stages of the formation of the theory of parliamentary are highlighted, taking into account classical and new scientific approaches.

Key words: *parliament, parliamentary, popular representation, Modern times, constitutions, the principle of separation of powers.*

Krierenko Alexander Valeryevich, Postgraduate student of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

E-mail: krierenko.a.v@nslnr.su

УДК 321.6/8

Литвинов А. А.

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ РЕШЕНИЙ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье проанализировано влияние информационных технологий на развитие современной политической коммуникации в Российской Федерации. Выявлены тенденции использования цифрового пространства для осуществления интеракций между властью и обществом. Установлено, что вовлеченность граждан в политическом процессе посредством онлайн-среды преимущественно выражается через пассивное потребление политического контента, тогда как формы активного участия проявляются в меньшей степени. Также приводятся доводы о влиянии информационных технологий на формирование мировоззренческих конструктов в условиях цифровых преобразований. В этой связи представляется целесообразной государственная политика по регулированию интернет-пространства и деятельности акторов в данной сфере.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровая трансформация, политическая коммуникация, мировоззрение, электронная демократия, цифровые платформы.*

Актуальность исследуемой тематики заключается в том, что современные цифровые технологии трансформируют политическую сферу, изменяют механизмы взаимодействия между ключевыми участниками политического процесса. В условиях цифровизации политическая коммуникация выходит за рамки традиционных институциональных каналов и перемещается в динамическую цифровую среду, которая становится ключевым пространством для политической социализации и гражданской активности, а

конкуренция за влияние на общественное сознание и электоральное поведение становится более интенсивной.

Под влиянием социальных сетей и цифровых платформ формируются новые модели политической мобилизации, а также изменяется характер участия граждан в политическом процессе. В частности, цифровые технологии позволяют политическим акторам применять стратегии алгоритмического таргетинга и информационного воздействия на общественное мнение. Однако цифровизация политической коммуникации несет и риски: усиление политической поляризации, распространение дезинформации и манипуляция общественным сознанием через фейковые новости и алгоритмические фильтры.

Учитывая неоднозначность воздействия цифровых новаций на политическое участие, считаем оправданным сфокусировать исследовательский интерес на изучении использования цифровых технологий в контексте развития политической коммуникации в политической сфере Российской Федерации.

Цель исследования: проанализировать ключевые аспекты влияния цифровых технологий на трансформацию политической коммуникации в Российской Федерации.

Объектом исследования является политическая коммуникация в современной России.

Предмет исследования: трансформация механизмов политической коммуникации в РФ под влиянием цифрового инструментария.

Степень научной разработанности проблемы. Политическая коммуникация как предмет исследования получила развитие в трудах Ю. Хабермаса, который рассматривал политику как систему коммуникативных интеракций между субъектами политического процесса. В его концепции политическая коммуникация выступает фундаментальным элементом демократических обществ [1]. Одним из первых применил информационно-кибернетический подход к анализу политической коммуникации К. Дойч. В его трудах данный феномен представлен с позиции государственного механизма регулирования информационных потоков и коммуникативного взаимодействия внутри и за пределами политической системы [2].

Значительный вклад в развитие теоретико-методологических основ изучения политической коммуникации внес отечественный ученый С. В. Володенков, который рассматривает роль информационной среды в формировании политических конструктов, мировоззрения и поведенческих стратегий [3]. Политолог Г. Л. Акопов развивает научный дискурс путем анализа формирования легитимности власти и обеспечения обратной связи между властью и социумом в рамках трансформации каналов коммуникации в условиях диджитализации [4].

Результаты исследования. Коммуникационный процесс между политическими акторами, группами и индивидами в современных условиях осуществляется в так называемом фиджитал-пространстве, которое представляет собой сочетание взаимодействий в физической реальности и цифровой среде. В этом контексте политическая коммуникация приобретает новые формы, сочетая традиционные и цифровые механизмы обмена информацией.

Политическая коммуникация является разновидностью социально-политического взаимодействия, в ходе которого осуществляется обмен информацией, знанием, смыслами, ценностями, идеями между участниками, которые позволяют сообщать о процессах, происходящих в политической сфере жизни общества, влиять на политическую деятельность различных акторов, участвовать в процессах управления обществом, а также формировать отношения власти и подчинения [5].

В настоящее время в научном дискурсе преобладает позиция, согласно которой цифровые платформы и социальные сети являются эффективными инструментами для вовлечения граждан в политические кампании и социальные движения.

Эмпирическое подтверждение данной тенденции мы можем представить в статистических данных исследований, касающихся происходящих в обществе процессов информатизации, их воздействия на граждан Российской Федерации. Прежде всего, в период 2022-2025 гг. прослеживается динамика увеличения численности населения, использующая сеть Интернет: в 2022 г. – 129,8 млн. чел., в 2023 г. – 127,6 млн. чел., в 2024 г. – 130,4 млн. чел.,

а на момент начала 2025 г. этот показатель составил 133 млн. человек [6]. Более того, наблюдается рост количества проводимого времени в сети. На рис. 1 продемонстрирована динамика роста количества времени в Интернете с 2020 по 2025 гг. Так, по состоянию на начало 2025 года россияне ежедневно проводят в сети Интернет в среднем 8 часов 38 минут [6]. Для сравнения, в 2020 г. средний показатель составлял 5 ч. 17 мин., в 2022 г. – 6 ч. 52 мин. [7], а в 2024 году – в среднем 7 ч. 50 мин. [8].

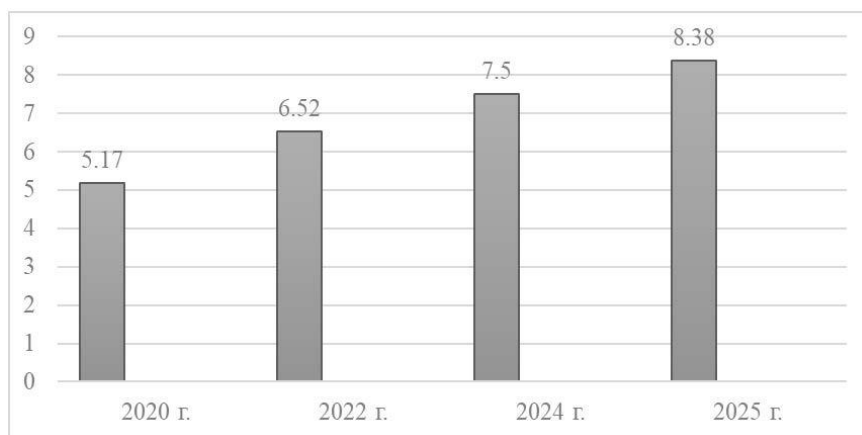

Рис. 1. Количество проводимого времени в сети Интернет среди россиян

Согласно исследованию Федерального агентства по делам молодёжи, цифровые способы коммуникации являются основными среди молодых граждан РФ [9]. Так, на рис. 2 продемонстрированы лидирующие источники информирования, а именно социальные сети и мессенджеры: Youtube (71,4%), Whatsapp (69,5%), Telegram (71,7%), VK (72,1%), TikTok (41,9%), Одноклассники (40%), Viber (30,1%), Instagram (22,7%), и другие [8]. Роль указанных площадок в политической сфере различна. Мессенджеры WhatsApp и Viber используются в качестве инструментов горизонтальной коммуникации преимущественно среди гражданского общества, в рамках которых осуществляется распространение политической информации в малых группах и частных диалогах. YouTube играет

роль в формировании политической повестки за счёт различного видеоконтента, в том числе: аналитические программы, агитационные материалы, интервью и выступления лидеров общественного мнения, а также так называемые блогерские расследования. TikTok и Instagram, являются площадками для неформального вовлечения молодежи в обсуждение социально-политических тем и продвижения гражданских инициатив через визуальные нарративы. Telegram сочетает функции мессенджера и медиаплатформы, обеспечивая быструю политическую мобилизацию, распространение независимой информации и формирование альтернативной гражданской повестки через новостные каналы, экспертные сообщества и дискуссионные площадки. И наконец, VK и Одноклассники являются основными государственно-ориентированными платформами, которые используются органами власти, политическими деятелями, экспертами, партиями, общественными движениями и гражданским обществом для официальных коммуникаций и распространения государственной политики. Благодаря особенностям алгоритмической ленты и широким возможностям по распространению контента, данные площадки позволяют максимально сблизить власть и общество, предоставив наиболее удобный способ для осуществления коммуникации.

Среди особенностей социальных сетей следует выделить доступность и разнообразие видов контента; минимальные издержки на распространение и взаимодействие с глобальной аудиторией. Кроме того, социальные сети являются приоритетным источником информирования у 82,7% опрошенных, в то время как общение с друзьями набрало 41,6% (в два раза меньше), а новостные программы по ТВ – 39,3% [8]. Остальные источники информации находятся на периферии предпочтений.

В силу названных преимуществ социальные сети становятся новостными источниками, дискуссионными площадками для получения ответов на интересующие людей вопросы, пояснений официальных органов, юридических комментариев и пр. В связи с этим использование интернет-пространства государством рассматриваться как один из способов информационного влияния

власти на граждан и развития нового способа взаимодействия органов публичной власти с населением.

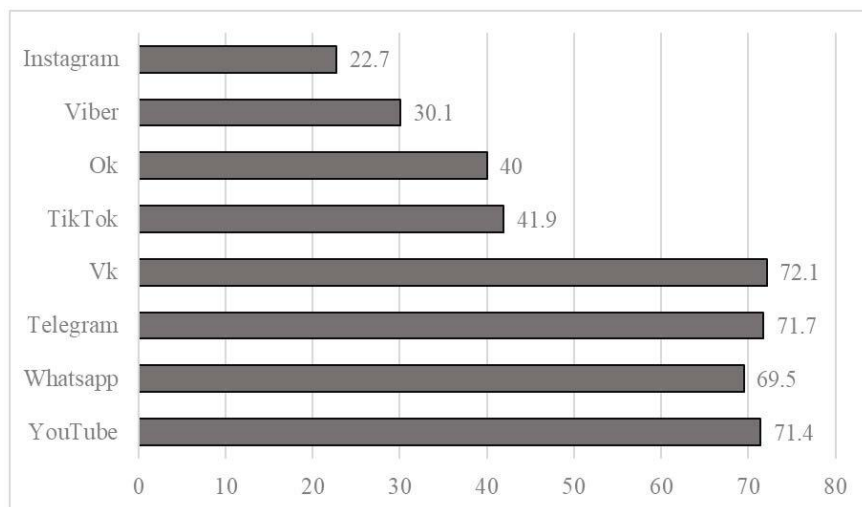

Рис. 2. Лидирующие источники информирования в РФ в 2024 г.

Важным моментом в развитии государственной политики в данном аспекте целесообразно считать 2022 г., когда был принят Федеральный закон РФ от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ об обязательном создании и ведении официальных страниц в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» политическими институтами и органами власти в целях выстраивания конструктивного диалога с гражданами и их информирования. Ученые О. А. Кожевников и А. В. Савоськин объясняют принятие данного решения его рациональностью, поскольку граждане чаще отдают предпочтение развлекательным и интерактивным формам контента социальных медиа, нежели формализованной и зачастую статичной информации, которая предоставляется официальными сайтами государственных структур [10].

Общественная активность граждан в «цифре» может возникнуть как в результате целенаправленного, так и случайного потребления информации, в зависимости от формы ее подачи. Так,

отечественный политолог Р. В. Парма выделяет наиболее привлекательные виды общественно-политического контента, среди которых оказались: мнения экспертов, практическая информация, полезный жизненный опыт, фильмы и сериалы политической тематики и политические смысловые образы, карикатуры, мемы, комиксы и др. [11]. Помимо потребления информации следует отметить приглашения посредством социальных медиа присоединиться к той или иной гражданской инициативе. На основании анализа выборки объемом 1600 человек, было выявлено, что среди респондентов, получивших приглашения к общественным действиям, большая часть (41%) склонна к следующим действиям: прочитывают и пытаются узнать больше информации, связываются с инициаторами и присоединяются к сообществу, оставляют комментарии и проявляют положительную реакцию при помощи соответствующей системы оценки публикуемого контента. Среди них выделяются активные граждане: до 7% пытаются помочь делом, до 5% принимают участие в онлайн-формате и до 4% – в очных мероприятиях. Далее, около трети опрошенных (35%) предпочитают лишь наблюдать за событиями, а отстраняющиеся от общественного участия, составляют около четверти (24%) [11]. Таким образом, вовлеченность в онлайн-среде сводится в большей части к потреблению информационного контента, в меньшей – к непосредственному принятию участия.

Кроме того, исследование Р. Э. Бараш позволяет констатировать, что виртуальное пространство является значимым фактором, влияющим на установки общества: около половины опрошенных (58%) указывают, что формирование социально-политических взглядов находится под влиянием сетей, 79% считают, что социальные медиа способны отвлекать людей от действительно важных проблем. Помимо этого, 64% респондентов сообщили, что социальные сети распространяют дезинформацию и нетерпимость [12]. Поэтому, в научном дискурсе актуализируется проблематика формирования мировоззренческих конструктов в контексте цифровых преобразований.

Под мировоззрением следует понимать системно организованный комплекс ценностных установок человека,

благодаря которому осмысливается происходящее в мире. Данная система смысловой интерпретации социальной реальности состоит из таких компонентов, как: символы, убеждения, устойчивые архетипы, образы, стереотипы, мифы и иные элементы когнитивной картины мира [13]. Такой набор ценностных кодов формируется, воспроизводится и преобразовывается семейным, образовательными и политическими институтами, СМИ, церковью, представителями культуры, политическими лидерами, и т.д. Наряду с традиционными каналами социализации современная цифровая среда также выступает активным конструктором мировоззренческих смыслов. Прежде всего это связано с технологической спецификой ее функционирования.

Цифровая информационная среда организована на основе алгоритмически управляемых систем обработки данных. Эти системы обеспечивают пользователям возможность поиска, структурирования и обработки информации на той или иной платформе, а также упорядочивать цифровое пространство. При этом развитие алгоритмических систем на основе технологий глубокого обучения предоставляет возможность анализировать информацию о самом пользователе на основе публикуемых материалов и поведенческой модели в сети, а также формировать персонализированные информационные рекомендации как общего характера, так и политической тематики в соответствии с интересами, психотипом и предпочитаемому способу восприятия [5]. Так, алгоритмические системы не только структурируют и определяют режим доступа к информации, но и участвуют в формировании мировоззренческих установок, когнитивных рамок и смысловых ориентиров, в пределах которых осуществляется формирование политической культуры и гражданской вовлеченности.

Следующим ключевым отличием современной цифровой среды является тенденция к формированию медиасреды в логике гибридной медиасистемы, концептуально обоснованной Э. Чэдвиком [14]. Согласно данной парадигме, традиционные и цифровые медиа не просто сосуществуют, а активно взаимодействуют, формируют сложную экосистему политической

коммуникации, в которой источники формирования повестки, каналы распространения информации и механизмы её интерпретации становятся многоуровневыми и взаимозависимыми. Это указывает на прогрессирующее размывание границ в политическом процессе между онлайн- и офлайн-пространством. Всё чаще индивиды воспринимают политическую реальность не только через традиционные институты и СМИ, но и через цифровые каналы, что приводит к их интеграции в единую коммуникативную реальность. Взаимопроникновение этих сфер формирует фиджитал-пространство, в котором виртуальные и материальные аспекты общественно-политической жизни становятся неразделимыми [15]. В этих условиях политические партии, лидеры общественного мнения и государственные институты адаптируются к новым цифровым форматам коммуникации и политического участия.

Цифровая трансформация в этом контексте дает политической элите возможности для систематического анализа общественных настроений и оперативно получать обратную связь на реализуемые инициативы. Это способствует укреплению ее легитимности в глазах граждан, повышению уровня общественного доверия и трансформирует механизмы политической репрезентации. В рамках цифровой среды политические лидеры и институты получают возможность оперативно адаптировать риторику и стратегию управления, что способствует формированию образа «открытой власти». В то же время цифровая среда расширяет возможности граждан по артикуляции своих интересов и запросов политической элите. В результате эффективное взаимодействие элиты и общества в цифровой среде способствует стабилизации политической системы к изменяющимся условиям и вызовам.

Активные участники, такие как блогеры и инфлюэнсеры, постепенно встраиваются в систему государственного регулирования наряду с традиционными СМИ. Их активное участие в формировании общественного мнения, политической повестки и мобилизации электората обуславливают потребность в государственном регулировании данной сферы.

Так, на официальном уровне эта необходимость была зафиксирована в ряде документов. В частности, в Стратегии

развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы подчеркивается важность формирования безопасной информационной среды как условия стабильности политической системы [16]. В этом контексте особую роль играет законодательное регулирование деятельности блогеров и владельцев популярных аккаунтов. Так, в 2023 году был принят закон, предусматривающий регулирование деятельности владельцев популярных аккаунтов с аудиторией свыше 500 тысяч подписчиков. При этом блогеры с многотысячной аудиторией фактически приравниваются к традиционным СМИ в части их ответственности за публикуемую информацию [17]. Дальнейшая институционализация цифрового регулирования проявилась в законопроекте 2024 года, предусматривающий обязательную регистрацию в Роскомнадзоре для авторов интернет-контента, чья аудитория превышает 10 тысяч подписчиков. Этот механизм способствует усилению государственного контроля над цифровым пространством, а также вводит санкционные меры: запрет на перепосты контента несоответствующих требованиям пользователей, ограничение сбора пожертвований и возможное ограничение доступа к их страницам по требованию Роскомнадзора [18].

Особую научную значимость в данном контексте приобретает позиция о конструировании национальных метавселенных и их государственном контролировании. В частности, отечественные ученые А. В. Савченко и А. П. Сегал обосновывают это тем, что субъект, который контролирует виртуальное пространство, также получает возможность задавать базовые ценностные и смысловые коды [19]. Однако данный процесс следует рассматривать не только в контексте культурно-идеологического влияния цифровой трансформации, но и как тренд на так называемую «цифровую локализацию», под которым подразумевается создание и развитие национальной технологической инфраструктуры: от дата-центров и облачных платформ до поисковых систем и социальных сетей [15]. Важнейшей целью данного процесса выступает снижение зависимости от технологических стандартов западных корпоративных игроков, а также укрепить собственный цифровой суверенитет.

Следующим трендом развития политической коммуникации в Российской Федерации выступает цифровое правительство как инструмент интеракций между властью и обществом, а в контексте государственного управления оно является платформой предоставления государственных услуг, межведомственного взаимодействия, которое базируется на принципе «одного окна» и способом обеспечения прозрачности деятельности органов власти.

Разработанный портал государственных услуг «Госуслуги» способствует усилению гражданского участия и укреплению доверия к государственным институтам через упрощение диалога с органами власти. Данная платформа позволяет реализовывать элементы цифрового правительства, предоставляет возможность проведения голосований, общественных обсуждений и сбора обратной связи. По данным Министерства цифрового развития, в 2024 году более 90% государственных услуг предоставляются в электронном формате через портал Госуслуги. Количество пользователей платформы на начало 2024 года превысило 90 миллионов, а на сегодняшний день, Госуслугами пользуются 112 млн. граждан РФ, которым предоставляют 1,6 тыс. услуг в электронном виде. Каждый день они подают 2 млн. заявлений и задают 1,5 млн вопросов Роботу Максиму [20]. Данные показатели демонстрируют высокий уровень цифрового взаимодействия с государством и вовлеченность граждан.

Помимо вышесказанного, применение информационных технологий в сфере публичного управления подразумевает также и понимание потребностей, ожиданий и ценностей пользователей электронных государственных услуг. Актуальное исследование Ю. Б. Киняшевой и С. В. Муращенкова позволяет рассматривать результативность работы электронного правительства с позиции интенций граждан. Так, из 83586 отзывов наблюдается следующее распределение – 74,24% (62062) положительных отзывов и 25,75% (21524) отрицательных мнений [21]. С одной стороны, положительно оценивается удобство подачи документов, быстрота рассмотрения вопросов, скидки на оплату госпошлин. В то же время есть и ряд замечаний по работе портала государственных услуг:

возникающими техническими сложности при работе, технические проблемы, проблемы обеспечения безопасности портала.

Интернет-пространство обеспечивает функционирование общественно-политического дискурса с обратной связью между властью и гражданами, мобилизует участие последних в политике. Поэтому для государственных деятелей особенно важно эффективно аккумулировать общественное мнение и выполнять роль политических коммуникаторов в цифровой среде. Эту тенденцию подчеркивает Д. Медведев и отмечает значимость владения навыками онлайн-коммуникации для государственных деятелей [22]. В своих официальных аккаунтах блога, Твиттера, «ВКонтакте» и Телеграм-канале он регулярно делает публикации по актуальным темам внутренней политики и внешнеполитическим вопросам. Аналогичную практику используют и другие российские политики, включая членов Государственной Думы и лидеров партий, которые ведут страницы в социальных сетях, публикуют аналитические материалы и проводят прямые эфиры.

Широкое распространение информационно-коммуникационных технологий способствует модернизации партийной системы в России и обеспечивают новые формы политической коммуникации и интеракций партийной элиты с обществом. Функциональная особенность цифровых технологий состоит в обеспечении постоянного общественно-политического дискурса с элементами обратной связи в реальном времени. Это позволяет политическим партиям распространять свои программные идеи, а также активизировать электорат в период проведения выборной кампании.

Одним из ключевых инструментов в этом процессе являются официальные сайты политических партий, которые выполняют ряд важных функций: информирование граждан о партии, ее организации, лидерах, деятельности; публикация аналитических материалов и документов; размещение видеоматериалов, проведение прямых трансляций выступлений, митингов и других партийных акций; организация интерактивных взаимодействий с гражданами при помощи реализации онлайн-консультаций, опросов и других инструментов электронной демократии. Эти инструменты способствуют вовлечению граждан в партийную деятельность,

обеспечивают возможность артикуляции общественных интересов, а также помогают партийным структурам формировать представление о потребностях электората и корректировать политическую повестку в соответствии с актуальными общественными запросами.

Дополнительно важную роль играют вебинары и онлайн-конференции, которые обеспечивают прямую коммуникацию политиков с гражданами в режиме реального времени, дополняя традиционные телевизионные эфиры, что особенно важно в периоды избирательных кампаний. Для представителей партийных элит такая форма взаимодействия – это возможность дешевой и одновременно массовой агитации. К тому же, это адекватно соответствует нормам демократии и способствует укреплению политической стабильности общества. Кроме того, цифровые механизмы обратной связи и социальные сети являются наиболее распространенными каналами двустороннего взаимодействия, что позволяет политическим партиям оперативно реагировать на общественные запросы. К примеру, в качестве интерактивной формы получения обратной связи об общественных предпочтениях, а также технической готовности, выделим систему Электронного Предварительного Голосования (ЭПГ), которая была задействована партией «Единая Россия» на президентских выборах 2024 года в России. По данным партии, цифровые системы были тщательно проверены и готовы к процедуре голосования [23]. Так, интеграция цифрового инструментария в партийную деятельность не только повышает уровень политической вовлеченности граждан, но и укрепляет механизмы внутренней партийной демократии,

В условиях развития информационного общества эффективность коммуникации политических партий с общественностью обуславливается не только наличием официальных сайтов, их содержанием, удобством интерфейса, уровнем персонализированного взаимодействия, а также степенью интеграции в социальные сети. Согласно данным ВЦИОМ, 81% россиян регулярно пользуются цифровыми услугами, при этом 35% делают это ежедневно [24]. Эти показатели подчеркивают значимость присутствия партий в цифровом пространстве для эффективного взаимодействия с избирателями. На конец 2024 года

ведущей социальной платформой в России стала социальная сеть «ВКонтакте», ежемесячная аудитория которой составила почти 92 млн. человек [25]. Так, «ВКонтакте» становится ключевой площадкой для политических партий, обеспечивая им широкий охват и возможность оперативного взаимодействия с электоратом. На рисунке 3 представлен уровень охвата аудиторий официальных сообществ пяти наиболее популярных партий по состоянию на февраль 2025 года. Так, на «Единую Россию» подписаны порядка 201 тыс. чел. [26], ЛДПР – 148 тыс. чел. [27], КПРФ – 108 тыс. чел. [28], «Новые люди» – 45 тыс. чел. [29] и «Справедливая Россия – За Правду» – 34 тыс. чел. [30].

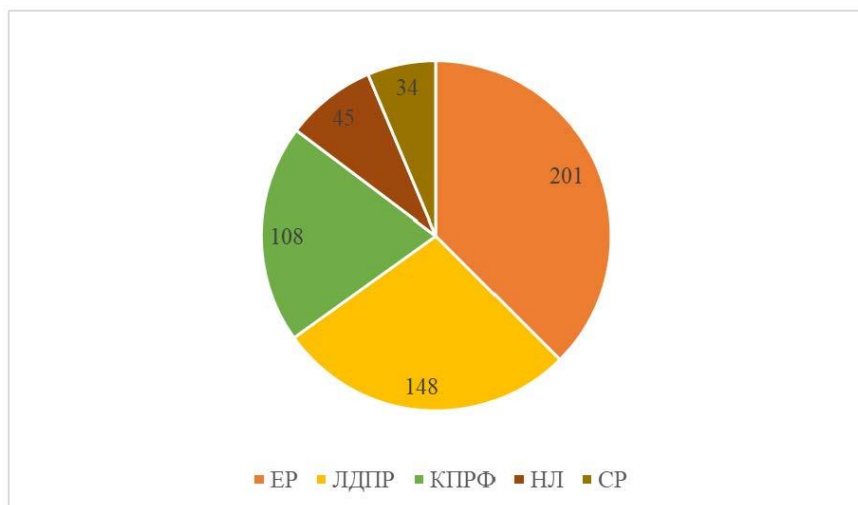

Рис 3. Количество подписанных на официальные сообщества политических партий в социальной сети «ВКонтакте»

Выводы. Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровизация политической коммуникации в России представляет собой комплексный процесс, который открывает новые возможности для политической социализации, расширяет инструменты взаимодействия власти и общества. Это проявляется в том, что в условиях цифровой трансформации

традиционные формы коммуникации в политической сфере интегрируются с новыми цифровыми механизмами, что способствует увеличению интенсивности политической коммуникации и политического процесса в целом. Однако на сегодняшний день политическая активность граждан в социальных медиа в основном сводится к потреблению контента и стороннему наблюдению за происходящими событиями, а в меньшей степени к активному участию.

Социальные медиа и цифровые платформы оказывают влияние на формирование мировоззренческих установок и политической культуры граждан. Алгоритмические механизмы управления информацией способны структурировать политическую реальность, изменять границы политического восприятия и уровень политической активности общества. В этой связи целесообразным представляется направление государственной политики по развитию национального цифрового пространства и регулирования данной сферы.

Официальные сайты, социальные сети, мессенджеры и цифровые платформы политических элит выполняют ключевые функции по информированию граждан, организации общественно-политического дискурса и мобилизации электората. Также развитие цифрового правительства свидетельствует о стремлении государства адаптировать механизмы политической коммуникации к современным условиям.

Список литературы

1. Ромашкина А. Б., Управление цифровым пространством политических коммуникаций: актуальные вызовы / А. Б. Ромашкина // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 101. – С. 146-158.
2. Отчет Digital 2025 по Российской Федерации / [Электронный ресурс] // Datareportal. – 2025 г. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation> (Дата обращения 09.03.2025)

3. Как изменилось медиапотребление в России / [Электронный ресурс] // Adindex. – 17.05.2022г. – Режим доступа: <https://adindex.ru/news/researches/2022/05/17/304316.phtml> (Дата обращения 08.02.2025). 5

4. Отчет Digital 2024 по Российской Федерации / [Электронный ресурс] // Datareportal. – 2024 г. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-russian-federation> (Дата обращения 09.02.2025).

5. Измерение показателей, характеризующих уровень личностного развития молодежи, влияние и степень оценки заботы государства о молодежи: доклад / [Электронный ресурс] // Росмолодежь. – 28.04.2019г. – Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=2&page=1> (Дата обращения: 07.02.2025).

6. Кожевников О. А., Савоськин А. В., Социальные сети как развивающийся способ коммуникации органов власти с гражданами: состояние и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2(93). С. 151-155.

7. Парма Р. В., Вовлечение российских граждан в общественное участие онлайн // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2021, № 5 (107). – С. 63-73.

8. Бараш Р. Э., Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 430-453.

9. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М., Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С.8-26.

10. Chadwick, A., The Hybrid Media System: Politics and Power, 2nd edn, Oxford Studies in Digital Politics. – p. 368.

11. Бухарин В.В., Компоненты цифрового суверенитета российской федерации как техническая основа информационной безопасности. Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – №6 (51). – с. 76-91.

12. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 №

203) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.02.2025).

13. Федеральный закон от 04.07.2023 № 347-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования деятельности блогеров)" // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.02.2025).

14. Регистрация блогеров с более 10 тысяч пользователей [Электронный ресурс] // Официальный сайт роскомнадзора. – Режим доступа: <https://05.rkn.gov.ru/news/news348722.htm#:~:text=С 1 ноября 2024 года,технологиях и о защите информации>

15. Савченко А. В., Метаверс – как это по-русски? О построении русского сектора метавселенной / А.В. Савченко, А. П. Сегал // Искусственные общества, 2021. – Т. 16 (№4).

16. Госуслугам исполняется 15 лет / [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минцифры. – 15.12.2024 г. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/events/54228/> (Дата обращения: 10.02.2025 г.) 15

17. Киняшева Ю. Б., Политическая коммуникация в условиях цифровизации государственных услуг в регионах России / Ю.Б. Киняшева, С.В. Муращенков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 3. – С. 3-17.

18. Д.Медведев: Руководители государств должны общаться в Интернете / [Электронный ресурс] // РБК. – 15.06.2009 г. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/15/06/2009/5703d4a59a79477331808ef1> (Дата обращения: 26.03.2025 г.)

19. Минцифры и ИТ-эксперты: Цифровые технологии предварительного голосования «Единой России» проверены и готовы к процедуре [Электронный ресурс] / Официальный сайт партии «Единая Россия». – 16.05.2024. – Режим доступа: <https://er.ru/activity/news/mincify-i-it-eksperty-cifrovyte-tehnologii-predvaritelnogo-golosovaniya-edinoj-rossii-provereny-i-gotovy-k-procedure> (Дата обращения: 10.02.2025 г.)

20. Наша цифровая повседневность [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 14.05.2024 г. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical->

reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost (Дата обращения: 10.02.2025)

21. «ВКонтакте» впервые обошла YouTube по охвату среди россиян. Как соцсеть привлекает новых блогеров и пользователей [Электронный ресурс] // РБК. – 15.01.2025 г. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/01/2025/6786315b9a79476fac9a1bd6 (Дата обращения: 10.02.2025 г.)

22. Официальная группа всероссийской политической партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Социальная сеть ВКонтакте. – Режим доступа: https://vk.com/er_ru (Дата обращения: 10.02.2025 г.)

23. Официальная группа политической партии «ЛДПР» [Электронный ресурс] // Социальная сеть ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/ldpr> (Дата обращения: 10.02.2025 г.)

24. Официальная группа политической партии «КПРФ» [Электронный ресурс] // Социальная сеть ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/kprf> (Дата обращения: 10.02.2025 г.)

25. Официальная группа политической партии «Новые люди» [Электронный ресурс] // Социальная сеть ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/party.newpeople> (Дата обращения: 10.02.2025 г.)

26. Официальная группа политической партии «Справедливая Россия – За Правду» [Электронный ресурс] // Социальная сеть ВКонтакте. – Режим доступа: https://vk.com/spravo_ross (Дата обращения: 10.02.2025 г.)

Литвинов Александр Александрович, аспирант, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск, ЛНР, Россия.

E-mail: *Vince10x@yandex.ru*

Litvinov A. A.

THE ROLE OF DIGITAL SOLUTIONS IN THE DEVELOPMENT OF POLITICAL COMMUNICATION IN RUSSIA'S POLITICAL SPHERE

This study has analyzed the impact of information technologies on the development of political communication in the Russian Federation. It has identified trends in the use of digital space for interactions between the government and society. The study has established that citizen engagement in the online environment has primarily revolved around the consumption of political content, while direct participation has remained at a lower level. Additionally, arguments have been presented regarding the influence of information technologies on the formation of worldview constructs in the context of digital transformations. In this regard, state policy regulating the internet space and the activities of actors in this field has appeared to be justified.

Key words: digitalization, digital transformation, political communication, worldview, e-democracy, digital platforms.

Litvinov Aleksandr Aleksandrovich, postgraduate, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, LPR, Russia.

E-mail: Vince10x@yandex.ru

УДК 316.75:32

Проценко А.В., Бервино Е.Г.

**КОНСЕРВАТИВНО-ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОВЕСТКА
В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

В статье анализируются особенности актуального отечественного социально-политического дискурса в контексте развития концепции умеренного консерватизма как современной идеологической формы адаптации политической системы и развития российской государственности в условиях геополитических трансформация и ведения «гибридных войн». Проанализированы особенности понимания роли охранительного и функционального потенциала идеологии умеренного консерватизма в дискурсе различных субъектов инициирования и поддержания политической повестки.

Ключевые слова: *умеренный консерватизм, дискурс, охранительная функция, идеология, суверенитет, традиционные ценности.*

Актуальность. Россия на сегодняшний день находится в активном поиске собственной и органично непротиворечивой собственному историко-культурному багажу идеологической основы, способной выступить консолидирующей российское общество онтологической основой и аксиологическим стимулом движения государства к новым высотам развития. Актуализация умеренного консерватизма в России также обусловлена глобальными и внутренними факторами. Внешнеэкономические и политические вызовы, такие как международные санкции, конфликт на Украине, геополитическая напряженность, усиливают настроения, направленные на защиту национальных интересов. Внутренние проблемы, такие как экономическое неравенство,

коррупция, социальное недовольство, также способствуют росту интереса к идеям умеренного консерватизма, ориентированного на стабильность и сохранение порядка в стране.

Цель статьи. Проанализировать особенности актуального отечественного социально-политического дискурса в контексте развития концепции умеренного консерватизма.

Объект исследования. Умеренный консерватизм как современная российская версия консервативной идеологии, сформировавшаяся в конце XX — начале XXI века.

Предмет исследования. Охранительный и функциональный потенциал идеологии умеренного консерватизма в дискурсе различных субъектов инициирования и поддержания политической повестки.

Степень научной разработанности. Исторически просвещенный консерватизм рассматривался как универсальное явление, характерное и для России, и для Западной Европы. В его интеллектуальной традиции выделяются такие мыслители, как П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь, И. А. Ильин, К. Н. Леонтьев, митрополит Филарет (В. М. Дроздов), П. А. Столыпин, П. Б. Струве, С. Л. Франк и Б. Н. Чичерин.

Развитие идеологии динамического консерватизма активно поддерживается Институтом динамического консерватизма во главе с В. В. Аверьяновым, а среди его ведущих участников выделяются С. Ю. Глазьев, М. Г. Делягин, А. Б. Кобяков, А. А. Проханов и другие члены Изборского клуба.

Результаты исследования. Нынешний внешнеполитический курс Москвы, направленный на суверенное позиционирование России в мире, и внутривнутриполитический курс, направленный на отстаивание консервативных ценностей — традиционных представлений о человеке, семейных и духовных ориентирах, не оставляет сомнений в том, что наша страна на официальном уровне, поддерживаемая значительной частью общества и интеллектуальными элитами, все больше склоняется модели умеренного консерватизма, о чем недвусмысленно подчеркнул В. Путин в интервью, данном в 2013 году [1].

Важным аспектом является и поиск национального пути

развития, который не зависит от внешних влияний и основан на традиционных ценностях и принципах. В этом контексте умеренный консерватизм становится важной частью идеологического арсенала

В данной связи особенно значимым и необходимым становится изучение и современное понимание идей консерватизма как политического направления, ключевым принципом которого является ориентация на традиционные устои, а также его определение как мировоззрения, противоположного по своей сути любым проявлениям радикализма, в особенности леворадикальным течениям.

Наиболее перспективной и продуктивной формой консерватизма в текущий период развития и состояния российского общества можно считать модель умеренного консерватизма, основу которого составляет охранительная функция с одной стороны, и его воспроизводящие свойства, характерный для него постепенный и последовательный подход к выбору путей социально-политических преобразований с другой. Этот момент, проявляющийся в поддержании гармонии между охранительными и прогрессивными тенденциями умеренного консерватизма, имеет большое значение в условиях современных геополитических изменений, где Россия занимает особое место и стремится внести свой вклад в формирование новых форматов и принципов международного сотрудничества в постдипломатическом мире. Подобная позиция нашего государства сегодня сталкивается с активным идеологическим, дипломатическим и военно-политическим сопротивлением со стороны западных стран, что, в свою очередь, вынуждает разрабатывать эффективные меры защиты от воздействия фактически объявленной «гибридной войны».

Современная российская версия консервативной идеологии, сформировавшаяся в конце XX — начале XXI века, представляет собой ответ на осознание неблагоприятных последствий либеральных реформ, проведенных в постсоветский период 1990-х годов. Разрабатываемый в конце 1999 года новый политический курс, инициированный В. В. Путиным, основывался на постулате о завершении ельцинской революционной трансформации и наступлении фазы постреволюционного развития,

характеризующегося не контрреволюцией, а прагматической и устойчивой государственностью [2, с. 138].

В 2010 году концепция обновленного консервативного мировоззрения, наиболее по сути близкая идеям и принципам умеренного консерватизма, нашла отражение в «Манифесте просвещенного консерватизма» выдающегося российского режиссера и члена президиума совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству. Н. С. Михалкова [3]. В данном программном документе обосновывалась необходимость внедрения концепции просвещенного консерватизма, предполагающего способность глубоко и всесторонне анализировать историческое наследие и перспективные направления эволюции общества. Данный подход ориентирован на эффективное функционирование в современных реалиях без разрушительных последствий для существующих социальных и политических структур.

С точки зрения автора манифеста, просвещенный консерватизм представляет собой комплексное мировоззрение, сформированное многонациональным российским народом и артикулируемое интеллектуальной, политической, экономической и культурной элитой страны. Данный идейный фундамент выступает основой для концептуализации консервативного движения в России и задает вектор для разработки детализированной Программы действий. Как идеологическая доктрина, просвещенный консерватизм обеспечивает реализацию политики, направленной на стабильное и динамичное развитие во внутренней и внешней сферах, что позволяет добиваться глобальных стратегических целей и решать актуальные задачи социально-экономического и политического характера. В своей сущности он представляет собой философию устойчивого роста, консолидации общества и концентрации интеллектуальных и творческих ресурсов, направленных на созидание и прогресс.

В. В. Аверьянов указывает, что кристаллизация национальной идеологии началась в 2005 году, когда Патриарх Алексей II подчеркнул важность формирования концептуальной основы русского национального сознания. По его мнению, динамический консерватизм представляет собой процесс обновления при

сохранении традиционных ценностей. В своих работах он анализирует трансформацию политического мировоззрения В. В. Путина, отмечая, что эволюция российского консерватизма носит стремительный характер и в последние годы проходит ускоренную фазу становления [4].

Концепция консерватизма, формируемая президентом В. В. Путиным, носит проективный характер и ориентирована на перспективные формы государственной и общественной организации, не имевшие аналогов в предыдущих исторических периодах. В рамках данной идеологической модели глава государства выдвигает задачи «консервативной модернизации», которые систематически артикулируются в его ежегодных Посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации, а также находят отражение в различных публичных дискуссиях и экспертных обсуждениях.

Принимая во внимание содержательную структуру выступлений В. В. Путина, следует подчеркнуть его последовательный и осмысленный подход к подбору исторических цитат. Анализируя исторические фигуры, на которых президент опирается в своих высказываниях, можно выявить предпочтительные для него концептуальные ориентиры, а также сформулировать представления о тех ценностных основаниях, которые он стремится актуализировать в общественном дискурсе [5].

Историческая рефлексия, выраженная в Посланиях президента, демонстрирует динамику смысловых трансформаций. Так, если в 2005 г. вектор интерпретации исторического пути России ориентировался преимущественно на европейскую модель развития, что выражалось в акценте на ценностях демократии и свободы, то уже в этот период наметились элементы критического переосмысления отечественного прошлого. В частности, в официальных выступлениях отмечалось, что далеко не все реформы в российской истории имели позитивные последствия, а распад Советского Союза, хотя и был исторически закономерным, одновременно рассматривался как крупнейшая геополитическая катастрофа [Там же, с. 434]. В последующем идеологические

позиции президента эволюционировали, что выразилось в изменении исторической оптики и отходе от дискурсивных установок 1990-х годов.

С 2012 года, ознаменованного 1150-летием российской государственности, в публичных выступлениях президента наблюдается дальнейшая переориентация на национально-консервативные традиции отечественной мысли. Это выражается не только в усилении акцента на идеях государственности и исторического единства, но и в активном цитировании мыслителей, репрезентирующих данный идеологический спектр: среди них М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, Д. И. Менделеев, Н. А. Бердяев, А. Ф. Лосев, И. А. Ильин и другие.

Принципиально значимым моментом Послания 2012 г. стало формирование концепции России как государства-цивилизации, что знаменовало отход от модернизационного нарратива в пользу цивилизационного подхода. В данном контексте идея уникального исторического пути России получила официальное признание, что отразилось в переосмыслении роли общеевропейских ценностей и идентичности. В подтверждение этих тезисов В. В. Путин обратился к наследию А. И. Солженицына, процитировав его слова о патриотизме как естественном чувстве, без которого невозможно существование государства: «Патриотизм — чувство органическое, естественное. И как не может сохраниться общество, где не усвоена ответственность гражданская, так и не существовать стране, особенно многонациональной, где потеряна ответственность общегосударственная» [6]. Кроме того, в обоснование необходимости динамичного развития страны президент сослался на концепцию пассионарности Л. Н. Гумилёва, подчеркнув, что историческая судьба нации определяется не только её экономическим потенциалом, но прежде всего внутренней энергией и волей к прогрессу: «Кто вырвется вперёд, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой нации, от её внутренней энергии; как говорил Лев Гумилёв, от пассионарности, от способности к движению вперёд и к переменам» [Там же].

Таким образом, анализ идейных установок, транслируемых президентом В. В. Путиным, позволяет говорить о формировании консервативной парадигмы, ориентированной на осмысление национального пути России сквозь призму исторического опыта и цивилизационного своеобразия. В основе данной концепции лежит стремление к сочетанию традиционных ценностей с модернизационными процессами, что обеспечивает её динамичное развитие и адаптивность к вызовам современного мира.

Формирование современной идеологии российского консерватизма находит свое подтверждение в выступлениях В. В. Путина, в частности, в его речи 12 декабря 2013 года, приуроченной к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации, а также в докладе Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на XVII Всемирном русском народном соборе в ноябре того же года. Эти выступления стали предметом обсуждения среди историков, философов и политологов, что свидетельствует о растущем интересе к вопросам идеологического позиционирования России.

Безусловно, одновременно важнейшим маркером и фактором укрепления позиций умеренно консервативных воззрений в современном российском обществе и почвой для фокусировки политического дискурса является позиция Русской Православной церкви. С точки зрения оценки влияния на внутривнутриполитические процессы это утверждение подтверждается рядом социологических замеров. Так, по данным ВЦИОМ в 2022 г. половина опрошенных признают роль церкви в решении внутривнутриполитических вопросов (50%) и еще около трети россиян говорят о влиянии РПЦ на их собственную жизнь (35%) [7]. По данным исследования ФОМ в том же году более 45% россиян считают, что РПЦ положительное влияет на общественную жизнь страны, причем с 2020 г. рост по этому показателю составил 9% [8].

Таким образом, в вопросах культивирования охранительно-консервативной повестки на внутривнутриполитическом треке концептуализация и апологизация мировоззренческих конструктов Русской Православной Церкви крайне важна как многовекового и системного ее поборника и транслятора. С точки зрения

канонического православия речь идет о вечных консервативных ценностях, которые Богом заложены в саму природу человека. И реализация этих ценностей и обогащает человека тем, что является архиважным, непреходящим, во многом определяющим такое важное понятие, как человеческое счастье. Поэтому здесь никакая не архаика, а свидетельство о чем-то, что выходит даже за границы нашего опыта [9].

По его мнению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, такие базовые нравственные ценности, как «вера, любовь, долг, ответственность и солидарность», не являются продуктом исторической эволюции и не зависят от конкретных социокультурных условий. Эти ценности не созданы людьми, а заложены в человеческую природу Богом; они могут быть прослежены до первых шагов человечества. Подлинные нравственные ценности вечны и универсальны, они объективны, а не субъективны [10].

По словам Кирилла, «забота о духовных потребностях, основанная к тому же на традиционной морали, должна вернуться в общественную сферу. Утверждение нравственных норм должно стать социальным делом».

Таким образом, особая миссия православной (подлинно христианской) цивилизации состоит в том, чтобы быть последним в мире бастионом защиты нравственных ценностей. По словам Кирилла, нельзя сказать, что мы живем в абсолютно мирной обстановке. Сегодня идут бои без грохота орудий, а враг, который нам угрожает, не переступает наших границ зримо. Тем не менее, мы все вовлечены в то, что православная традиция называет «невидимой битвой». Каждый сегодня вовлечен в эту битву.

В 2013 году в заявлении по случаю открытия XXI Международных Рождественских образовательных чтений «Традиционные ценности и современный мир» Патриарх Кирилл объяснил, что в РПЦ понимают под традиционными ценностями: они «традиционные» не потому, что сохранены традицией в общем смысле, а потому, что они открыты Богом. Человеческие ценности относительно и изменчивы в зависимости от конкретного социокультурного контекста. Их цель – материальное благополучие.

Напротив, Божьи ценности вечны и неизменны; они нацелены на высочайшие идеалы и восприятие присутствия Бога в истории. По словам Кирилла, христиане «несут особую ответственность за сохранение и передачу духовно-нравственных ценностей будущим поколениям, чтобы человеческое общество не рухнуло, а гармоничная красота человеческого бытия и всего космоса не исчезла». Моральные ценности составляют ядро традиции в силу своей неизменной природы. Для Кирилла «все изменчиво. Взгляды на архитектуру, искусство и политическое устройство могут отличаться, но не может быть разных взглядов на мораль, потому что мораль не от человека – она дана свыше» [11]. Таким образом, мораль и традиция являются частью Божьего замысла для человечества, неразрывно связанного друг с другом, и ссылка на Божью волю делает эту аргументацию неоспоримой.

На XIX Рождественских чтениях 2011 года был представлен проект документа под названием «Вечные ценности — основа русской идентичности», разработанный Отделом по взаимоотношениям Церкви и общества Московского Патриархата. В документе перечислены такие ценности, как справедливость, свобода, солидарность, соборность, самоограничение и жертвенность, патриотизм, духовное и материальное благополучие, семейные традиции. В том же году XV съездом Всемирного Русского Народного Собора был принят самый длинный и обширный перечень традиционных ценностей под названием «Основные ценности — основы национальной идентичности». Документ определяет в качестве традиционных следующие ценности: вера, справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, честность, патриотизм, солидарность, милосердие, семья, культура и национальная традиция, благосостояние, трудолюбие, самоограничение и преданность.

Защита РПЦ традиционной семьи вызвана засильем в западноевропейском общественно-политическом дискурсе ультралиберальных нарративов. Следствием этого уже сегодня и в России ощущается его влияние в виде резкого сдвига в структуре семьи, искусственным внешним навязыванием молодежи справедливости через парадигму умножения гендерных ролей и т.д.

Для РПЦ защита традиционной семьи представляется гораздо более практической задачей с четкими целями по сравнению со всемирно-исторической миссией сохранения традиционных консервативных ценностей, интерпретируемых как откровение Бога о природе.

В актуальных условиях геополитического противостояния и турбулентности умеренный консерватизм представляется важной идеологической опорой противодействия безрассудным революционным преобразованиям, неосмысленному заимствованию чуждых, несоответствующих национальной природе духовных и материальных практик, что подтверждается регулярным обращением к охранительно-консервативной повестке в дискурсе ключевых отечественных политических и общественных акторов, представителей научно-экспертного сообщества. При этом умеренный (просвещенный) консерватизм стоит отделять от консерватизма охранительного, который представляется внеисторичным догматизированным принципом, обрекающим социальный организм на стагнацию и в итоге провоцирующим взрыв революционности, как ответного действия на застой [12, с. 12].

Осмысление умеренного консерватизма по сущностному содержанию приближено к характеристикам позитивного консерватизма, который базируется на идеях постепенности и сбалансированности движения прогресса, который, в свою очередь, опирающегося на традиции, выступает за поиск баланса между эмерджентностью новых и устоявшимся правил, порядков, практик, а не рассматривает традицию как нечто неизменное, категорически отвергая усвоение нового. В данном ракурсе умеренный консерватизм представляет собой значительный противовес неоправданным революционным преобразованиям, бездумному принятию чуждых, не соответствующих национальной сущности духовных и материальных практик. Консервативная идеология по своей сути, как отмечают различные социально-политические игроки, общественники, политики и, в первую очередь, Президент России, направлена на поддержание стабильности, сохранение национальной идентичности и защиту социально-политического порядка в условиях внешних вызовов и преобразований.

При этом именно поддержание цивилизационного, политического, социокультурного суверенитета и уникальности представляет собой центральный элемент концепции умеренного консерватизма, который имеет существенное значение в условиях глобализации и геополитических изменений и позволяет охарактеризовать ее роль как имеющую выраженный охранительный, сберегающий характер. Данная функция ориентирована на обеспечение защиты государственных интересов, культурного наследия и независимости страны от внешних угроз, включая мировые политические сдвиги, международные противостояния и процессы экономической унификации. Умеренный консерватизм в этом аспекте проявляется как мировоззрение, направленное на поддержание равновесия между преобразованиями, обусловленными внешними обстоятельствами, и потребностью в сохранении национальной идентичности и устойчивости.

Таким образом, в условиях геополитических трансформаций значительная часть актуальной риторики и вектор общественно-политического дискурса ключевых внутриполитических акторов формирования политической повестки сегодня направлена на защиту стабильности, сохранение национальной идентичности и культурных традиций, сдерживание радикальных изменений и экстремистских идеологий, а также на обеспечение постепенных реформ, способствующих адаптации государства к новым вызовам.

Список литературы

1. Интервью Владимира Путина Первому каналу и агентству Associated Press «Кремлин.ру». 4 сентября 2013 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19143>.
2. Шаблинский И. Г. «Новый консерватизм» и советская идеологическая парадигма // Политические науки. – 2017. – № 3. – С. 136-157.
3. Михалков Н. С. Манифест просвещенного консерватизма. Право и Правда. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2010/10/26/manifest/>

4. Аверьянов В. В. Аксиомы подлинного консерватизма [Электронный ресурс] / В. В. Аверьянов, А. Б. Кобяков; Ин-т динам. консерватизма. – Режим доступа: <http://dynacon.ru/content/articles/2604/>.

5. Багдасарян В. Э., Балдин П. П., Реснянский С. И. Послания президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ История. – 2021. – Т. 66. – Вып. 2. – С. 421-435.

6. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>.

7. Церковь и общество: мониторинг [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cerkov-i-obshchestvo-monitoring>.

8. Отношение к РПЦ и патриарху. Оценка влияния РПЦ на общественную и политическую жизнь страны [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. – Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14717>.

9. Патриарх Кирилл: традиционные ценности будут сопутствовать человечеству до скончания мира [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/19670473>.

10. Слово Святейшего Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Президиума Российской Академии Образования. Русская Православная Церковь». [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриарха. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/934483.html>.

11. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии IV Рождественского парламентского заседания в Федеральном Собрании Российской Федерации, Русская Православная Церковь». [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриарха. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4362065.html>.

12. Шахназаров, В. Г. Философско-антропологические воззрения К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Шахназаров Владимир Георгиевич; [Место защиты: Нижегород. гос. пед. ун-т]. - Нижний Новгород, 2009. – 24 с.

Проценко Александр Валерьевич, к. полит. н., доцент, Луганский государственный университет им. В. Даля, г. Луганск, Луганская Народная Республика, Россия.

E-mail: akstazatu@mail.ru

Бервино Евгений Геннадьевич, аспирант, Луганский государственный университет им. В. Даля, г. Луганск, Луганская Народная Республика, Россия.

E-mail: *bervino86@mail.ru*

Protsenko A.V., Bervino E.G.

**THE CONSERVATIVE AND PROTECTIVE AGENDA
IN THE RUSSIAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE
IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CONFRONTATION**

The article analyzes the features of the current domestic socio-political discourse in the context of the development of the concept of moderate conservatism as a modern ideological form of adaptation of the political system and the development of Russian statehood in the context of geopolitical transformation and the conduct of "hybrid wars". The article analyzes the peculiarities of understanding the role of the protective and functional potential of the ideology of moderate conservatism in the discourse of various subjects initiating and maintaining the political agenda.

Key words: *moderate conservatism, political discourse, protective function, ideology, "hybrid wars", sovereignty, traditional values.*

Protsenko Alexander Valerjevich, Candidate of Political Sciences, Assoc., Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russia.

E-mail: *akstazatu@mail.ru*

Bervino Evgeny Gennadievich, PhD student, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russia.

E-mail: *bervino86@mail.ru*

УДК 327.8

Романцова М.А.

МИФ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Политический миф рассматривается как особая форма организации информации и как механизм влияния его на политический выбор личности. Политический миф – искусственно сконструированная форма мировосприятия, которая заменяет проверяемые факты политическим вымыслом, легендами, символическими образами и служит манипулятивным целям. Мифы воздействуют на эмоциональную сферу сознания человека и в ситуации кризиса, неопределённости и острой потребности в интерпретации происходящих событий предлагают простые и ясные ответы и решения сложных проблем.

Ключевые слова: *политический миф, политический выбор, политическое манипулирование*

Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью мифа в политической жизни современных обществ, особенно в периоды социальных трансформаций и кризисов. Использование мифологических конструкторов становится мощным инструментом для формирования общественного мнения, мобилизации электората и легитимации политических решений.

Современные политические мифы, как правило, создаются и распространяются с использованием средств массовой информации и информационных технологий, что значительно расширяет их аудиторию и усиливает их воздействие. Они могут быть направлены на формирование позитивного имиджа политического лидера, оправдание агрессивной внешней политики, дискредитацию

политических оппонентов или укрепление национальной идентичности [10].

Целью политического манипулирования с использованием мифа является изменение восприятия действительности, формирование определенных убеждений и ценностей, а также мобилизация людей на поддержку определенных политических действий. Миф может использоваться для создания образа врага, укрепления чувства национальной гордости, оправдания социальных неравенств или продвижения определенных идеологических установок.

Исследование политического манипулирования с использованием мифа является важной задачей для понимания современных политических процессов и разработки стратегий противодействия дезинформации и манипуляциям. Анализ мифологических конструктов, используемых в политической коммуникации, позволяет выявить механизмы формирования общественного мнения и определить способы защиты от негативного воздействия политических мифов.

На текущий момент, к сожалению, не существует целостной теории, всесторонне описывающей способы воплощения политического мифа в реальность. В связи с этим, данное исследование посвящено изучению механизмов реализации политических мифов. Это определяет и **цель статьи**: анализ политического мифа как особой формы организации информации.

Объектом исследования являются основные формы механизма организации процесса политической манипуляции.

Предметом исследования являются технологии политической манипуляции.

Степень научной разработанности проблемы. В ходе изучения вопроса политической манипуляции было задействовано большое количество трудов российских и зарубежных ученых. Основой для настоящего исследования послужил анализ работ

признанных мыслителей в области политики, таких как Н. Макиавелли, Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Лассуэлл, А. Грамши. Выбор этих авторов был обусловлен их значительным влиянием на формирование и развитие концепций воздействия на большие группы людей [9, С. 106-114].

Со второй половины XX века в политологии начали появляться первые работы, непосредственно посвященные исследованию политической манипуляции. Наиболее видным представителем и, безусловно, классиком в этой области, на наш взгляд, является Герберт Шиллер. Также значительный вклад в развитие теории манипуляции внесли Герберт Франк и Эверетт Шостром.

В конце XX – начале XXI века феномен политической манипуляции рассматривается с различных точек зрения. Появляются новые подходы и теории, в которых ученые стремятся определить место и роль манипулирования как в межличностных отношениях, так и в средствах массовой информации. Эти вопросы исследовались в работах Т. Ван Дейка, Р. Броуди, Р. Д. Лифтона, Р. Чалдини, Э. Аронсона и других. Несмотря на то, что феномен политической манипуляции достаточно хорошо изучен, в научной и публицистической литературе продолжают попытки его дальнейшего осмысления и научного анализа новых форм [12].

Результаты исследования. Вопросы о значении и влиянии мифа в реалиях сегодняшнего дня являются предметом острых споров среди философов, политологов, социологов, психологов, антропологов и культурологов. Мифология представляет собой не просто древнейшую, универсальную, исключительную форму общественного сознания. Миф представляет собой один из ведущих факторов социокультурной среды. В мифе мы можем увидеть, как соединяется прошлое с настоящим. Кроме этого прогнозируется будущее. Любой миф влияет на процесс формирования менталитета народа и предопределяет путь развития нации.

Исследования показывают, что в условиях кризиса, или при возникновении угрозы общество и индивид могут реагировать двояко: либо через создание инновационных идей, открывающих новые горизонты, либо посредством возвращения к проверенным временем концепциям, доказавшим свою эффективность в прошлых кризисных ситуациях [7]. Миф становится инструментом социальной и политической активизации в тех случаях, когда общество утрачивает способность рационально решать возникающие проблемы.

Вопросы манипулирования широко обсуждались, прежде всего, в политологических исследованиях, так как изначально этот термин получил распространение именно в политической сфере, а затем охватил и другие аспекты, связанные с общественным сознанием.

Рассматривая происхождение термина «манипуляция», можно заметить, что его первоначальное значение претерпело изменения.

В прямом смысле «манипуляция» обозначает сложные действия, выполняемые руками и требующие высокого уровня мастерства и умения. Латинское слово «*manipulus*» имеет два значения: 1) пригоршня (от "*manus*" – рука и «*ple*» – наполнять); 2) небольшая группа, горстка. В этом значении слово использовалось, в частности, для обозначения небольшого подразделения воинов (около 120 человек) в римской армии [7]. Промежуточным этапом к метафорическому значению стало применение термина "манипуляция" в контексте демонстрации фокусов и карточных трюков. Чтобы понять смысл понятия "манипуляция" в переносном значении, то есть когда объектом воздействия являются люди, стоит отметить, что оно означает стремление "подчинить" другого человека, взять его под контроль, превратить в послушный инструмент, марионетку [8].

Таким образом, политическую манипуляцию можно рассматривать как комплекс идеологического и психологического воздействия на массовое сознание.

Важно отметить, что политический миф, несмотря на возможное наличие вымысла, не обязательно является исключительно деструктивным явлением. Он может служить инструментом социальной мобилизации, легитимации власти, формирования коллективной идентичности и консолидации общества вокруг определенных ценностей и целей. Миф способен предоставить простые и понятные объяснения сложных политических процессов, облегчая восприятие реальности и создавая ощущение общности [2].

Функции политического мифа многообразны и зависят от конкретного контекста. Он может выступать в роли идеологического оружия, направленного на дискредитацию оппонентов и укрепление позиций правящей элиты. В то же время, миф способен вдохновлять людей на борьбу за справедливость и свободу, поддерживать дух сопротивления угнетению и несправедливости.

Таким образом, оценка политического мифа требует учитывать его конкретное содержание, цели и последствия.

Различные исследователи выделяют разные типы политических мифов, основываясь на различных критериях. Например, можно классифицировать мифы по их содержанию: мифы о происхождении государства, мифы о национальном герое, мифы о золотом веке, мифы о врагах народа. Другой подход заключается в классификации мифов по их функциям: легитимирующие мифы, мобилизующие мифы, консолидирующие мифы [10].

В современном мире, с развитием информационных технологий и средств массовой коммуникации, политические мифы распространяются с огромной скоростью и охватывают широкую аудиторию. Создание и распространение мифов стало важной частью политической борьбы, требующей от политических акторов

не только понимания механизмов мифотворчества, но и умения противостоять деструктивным мифам и продвигать позитивные нарративы [2].

Особенно актуальным, сегодня является процесс политического манипулирования массами, а не отдельными индивидами. Ни для кого не секрет, что одним из инструментов современной информационной войны является политический миф. Политическая мифология как инструмент, используется в информационных войнах совершенно осознанно и опирается на знание человеческой природы. Политические силы, используя миф, как инструмент опираются на знание архетипа. То есть опираются на древнейшие психические установки и различные эмоциональные состояния. Что дает возможность манипулировать массами.

К моменту, когда миф становится средством манипулирования, предшествует ряд необходимых действий или этапов.

Во-первых, это мифотворение – намеренное созидание мифа, или актуализация дремлющего в общественном сознании, но неактивного мифа. Термин "мифотворение" подразумевает наличие творца, преследующего конкретную цель при создании мифа. Мифотворение изначально ориентировано на манипулирование [3].

Другими словами, мифотворчество – это осознанное, рациональное действие, результатом которого является миф, созданный с определенным умыслом. Иррациональность этого мифа проявляется в его подсознательном восприятии и распространении. Мифотворчество представляет собой целенаправленное воздействие активного субъекта на объект или субъектов. Создание политического мифа предполагает формирование принципиально нового явления, ранее не существовавшего в явной форме. Российский исследователь политических мифов современности, А. Кольев, подчеркивает, что политический миф всегда имеет автора [6, с. 126],

Во-вторых, происходит процесс популяризации и внедрения политического мифа в общественное сознание. Цель этого процесса – формирование конкретной общественной позиции, способной повлиять на принятие важных политических решений. При распространении политического мифа ключевым фактором является дозированная подача информации. Психологи утверждают, что наилучшее усвоение информации происходит после четвертого контакта [1].

Мифы легко воспринимаются на веру, не требуют проверки, только благодаря особенностям мифологического мышления. Для того, чтобы понять причину такого сильного воздействия мифов на массы необходимо учитывать специфику изменения человеческого сознания под влиянием мифологической пропаганды.

Таким образом, миф возникает как результат рационализации, пронизывающей мыслительный процесс. Этот процесс ведет от инстинктов, эмоций и чувств к убеждениям, лишенным критического анализа, подсказанным, внушенным или скопированным. Это открывает путь от ощущений к идеям, обеспечивая полное принятие мифа, не требующее дополнительных доказательств.

Третий этап – это трансляция мифа в процессе общения и его влияние на аудиторию. Именно здесь вступает в силу манипулятивная роль политического мифа. Распространение политического мифа происходит через массовую коммуникацию и охватывает огромное количество людей [7].

Необходимо отметить, что современные мифы, включая политические заметно отличаются от древних мифов. Современные мифы, в отличие от архаичных, фрагментарны и логически незавершённые. То есть они объясняют лишь, какой то один эпизод или событие. В современном политическом мире ложно найти полностью сформированный политический миф. Современный политический миф рационален и постоянно развивается.

Выводы. Подводя итог всему исследованию, мы пришли к выводам, что современная политическая манипуляция проходит процесс трансформации и оптимизации в современной политической коммуникации. Формируются специальные технологии процесса политической манипуляции. Большую роль в данном процессе играет Интернет. Процесс влияния на массы через Интернет имеет свои особенности. Манипуляция через Интернет имеет механизм, который кардинально отличается от механизма в «традиционных медиа».

Создание политических мифов – неотъемлемая черта сегодняшнего дня. Вместо объяснения существующей реальности, мифотворчество использует ее как материал для формирования иллюзорного, согласованного образа, уникальной системы ориентации для разума и особого способа отражения общественных процессов. Будучи системой, построенной на наборе символов (идей, значений), она интерпретирует окружающий мир, наделяя его последовательной и бесспорной истинностью.

Список литературы

1. Воеводина Л.Н. Структура мифологического образа и социальная драматургия // Вестник МГУКИ. 2012. № 1 (45). С. 50-55.
2. Иванов А. Г. Мифы о прошлом в современной медиасреде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования / А. Г. Иванов, С. В. Тихонова, А. А. Линченко и др. — СПб.: Алетейя, 2020.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2010. – 864 с.
4. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. – 2010. – Сер. 7. – № 2.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление. М.: Академический Проект, 2011. 279 с.
6. Кольев А. Мифы нации и «консервативная революция». – URL: http://www.zlev.ru/56_1.htm
7. Кольев А. Политическая мифология [Электронный ресурс]. URL: <http://www.savele.ru/book/?ch=364> (дата обращения: 29.03.2025).

8. Корниенко Т. Сущность и структура политического мифа // Власть. – 2009. – № 10. – С. 49-53.

9. Рюмкова, О. Г. Политический миф : теоретические основания и современная политическая практика : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / О. Г. Рюмкова. – М., 2004. – 152 с

10. Строганов В.Б. Конструктивный потенциал применения политической манипуляции в интернете/ В.Б. Строганов // Вопросы Политологии. – 2017. – №4. – С. 106-114.

11. Формирование и функции политических мифов в постсоветских обществах / отв. ред. Т. В. Евгеньева. М.: Институт Африки РАН, 2017. – 110 с.

12. Шестов Н. И. Политический миф: теперь и прежде / под ред. проф. А. И. Демидова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 414 с.

13. Шилина М. Г. Массмедиа в XXI веке: новые теоретические и образовательные концепции как условие развития индустрии и 159 безопасности информационного пространства / М.Г. Шилина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 22. – С. 293-296.

Романцова Марина Анатольевна, старший преподаватель кафедры государственного управления, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Луганск, ЛНР, РФ.

E-mail: marina10051975@gmail.com

Romantsova M. A.

MYTH AS A MEANS OF POLITICAL MANIPULATION

A political myth is considered as a special form of information organization and as a mechanism of its influence on a person's political choice. A political myth is an artificially constructed form of world perception that replaces verifiable facts with political fiction, legends, symbolic images and serves manipulative purposes. Myths affect the emotional sphere of human consciousness and in a situation of crisis, uncertainty and an urgent need for interpretation of events offer simple and clear answers and solutions to complex problems.

Keywords: *political myth, political choice, political manipulation*

Romantsova Marina Anatolyevna, Senior Lecturer at the Department of Public Administration, «Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Luhansk People's Republic, Russian Federation.

E-mail: marina10051975@gmail.com

УДК 323.2

Щедрова Г.П.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье сделана попытка осмысления новых коннотаций феномена гражданской идентичности в контексте современного политического процесса. Проанализированы основные теоретико-методологические подходы и эмпирические исследования данного феномена. Сделан вывод о повышении востребованности осознания принадлежности и идентификации себя в определенном государстве, культуре, нации со стороны современного российского общества.

Ключевые слова: *гражданская идентичность, политический процесс, общественно-политическая трансформация, гражданин, гражданское общество, государство, патриотизм.*

Актуальность. Основополагающей общественно-политической практикой современности является осознание себя через отождествление с сообществом, что в свою очередь служит залогом уверенности индивида в меняющихся реалиях. В современных социально-политических исследованиях она осмысливается как феномен коллективной идентичности.

Качественные характеристики коллективных идентичностей варьируются от аморфных до институционально зафиксированных, от устойчивых до меняющихся, а также могут иметь больший или меньший потенциал мобилизации членов группы в совместные действия. Чем больше этот потенциал, чем многочисленнее членство – тем больше внимания уделяют исследователи таким коллективным

идентичностям. Они осмысливаются как субъекты политики, весомые, а иногда и решающие факторы политических процессов.

Этим объясняется внимание к коллективным идентичностям в современном политологическом дискурсе. Апелляция к идентичности или попытка воздействия на нее определяет современные политические процессы по всему миру.

Осуществление специальной военной операции обусловило актуализацию вопросов коллективной идентичности россиян в ее гражданском аспекте. Эти вопросы возникают в персональном экзистенциальном измерении самоопределения граждан России. В то же время, как важный аспект национальной безопасности, они оказались в фокусе внимания и государственной политики.

Предложенное исследование проблематики современной динамики гражданской идентичности видится нам актуальным в силу ряда объективных историко-политических причин. Прежде всего, следует отметить уникальность этнического состава российского общества, сложившегося за более чем тысячелетнюю историю государства, обширность и разнообразие территориального пространства России, многообразие национальных и этнических культурных традиций в регионах страны. Вместе с тем, в настоящее время наше государство и соотечественники проходят испытание на прочность, связанное с активизацией русофобских тенденций во внутренней и внешней политике отдельных стран и их объединений. Согласно словам Президента России В.В. Путина, укрепление общероссийской гражданской идентичности становится «ключевой темой для России» [14].

Основные принципы и задания по формированию и укреплению гражданской идентичности нашли отражение в федеральных законах, государственных стратегиях и программах. Некоторые из них очерчивают содержание понятия «гражданская идентичность», причем содержание этих трактовок не всегда коррелирует с научными определениями понятия. Чаще всего в официальных документах закрепляется такое понимание гражданской идентичности, которое связано с государственными институтами, атрибутами государственности, гражданством, готовностью граждан защищать свою страну.

Формирование гражданского самосознания, развитие патриотизма, поддержание межнационального мира и согласия являются главными приоритетами Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, Национальной доктрины образования в Российской Федерации на период до 2025 года. Меры по укреплению общероссийской гражданской идентичности, развитию гражданского патриотизма и консолидации духовной общности народов России обеспечиваются Указом Президента РФ В.В. Путина от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг.» и Федеральной целевой программой «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014-2020 гг.); совершенствование патриотической составляющей в воспитательных практиках теоретического и прикладного уровня обеспечивается государственной программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 гг.».

Феномен гражданской идентичности в современном научном дискурсе трактуется достаточно разнообразно, что обусловлено различиями в методологиях и исследовательских подходах. Несмотря на определенную консервативность научного дискурса, исследования гражданской идентичности в России также приобретают новые коннотации.

Упомянутые тенденции обусловлены, прежде всего, появлением новых методологических подходов, активизацией международной научной коммуникации по данной проблематике, накоплением статистических материалов и т.д. Важным фактором таких изменений стала общественно-политическая трансформация в России, которая сопровождается динамичным развитием институтов гражданского общества, ростом уровня гражданской самоорганизации и осознанной идентификации себя гражданами России.

Таким образом, аналитическое исследование становления гражданской идентичности в современной России является особенно востребованным в контексте текущего политического процесса.

Цель статьи. Определение основных тенденций развития и контекстуального наполнения феномена гражданской идентичности в современном политическом процессе.

Объект исследования. Трансформация политического процесса как динамичное развитие современных политических и гражданских институтов общества.

Предмет исследования. Формирование гражданской идентичности в современном политологическом дискурсе.

Степень научной разработанности. Гражданская идентичность стала предметом исследования большого количества отечественных и зарубежных ученых. Российская научная школа в этом аспекте представлена именами Астафьевой О.Н., Дробижевой Л.М., Тишковой В.А., Левочкиной Н.А., Крылова М.П., Зотовой О.М., Туровского Р.Ф. и др., а за рубежом общепризнанными исследователями в указанном научном направлении являются М. Кастельс, Р. Дженкинс, А. Мелуччи, К. Кэлхоун, Д. Скотт, С. Хантингтон, Ш. Мафф, А. Турен, М. Соммерс, Г. Гибсон, С. Холл, З. Бауман и др.

Политологический дискурс к настоящему времени накопил достаточное количество разработок в области содержательного и концептуального формулирования специфики феномена гражданской идентичности. Этому способствовало развитие теоретических и эмпирических исследований указанного феномена в рамках различных научно-исследовательских направлений.

Так, с точки зрения сторонников классического научного подхода к проблематике гражданской идентичности, этот феномен рассматривается в контексте демократических институтов и участия граждан в общественной жизни (А. Токвиль); социокультурное или социологическое осмысление гражданской идентичности акцентирует внимание на культурных факторах ее формирования – историческая память и культурные традиции (Э. Дюркгейм, В.А. Антонов, Ф. Тони); конструктивизм, в свою очередь, стал попыткой объединить упомянутые концептуальные представления о гражданской идентичности и представил ее как результат социальных взаимодействий и культурных контекстов (Б. Андерсон, Р. Брубейкер, Э.В. Гелнер, Э. Гобсбаум); согласно

политологическому определению содержания гражданской идентичности, она формируется в процессе активного участия граждан в политической жизни и признания легитимности государства (М. Вебер, Х. Арендт); в рамках постмодернистского подхода исследователями оспариваются универсальные нарративы идентичности, предлагается рассматривать данный феномен как фрагментированный и многослойный в зависимости от разнообразия культур и социальных групп (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр).

Современный научный дискурс предполагает в исследовании гражданской идентичности, наряду с учетом сложившихся подходов, принимать во внимание общемировые тенденции развития политических систем и специфические условия функционирования отечественной государственности (А. Здравомыслов, И. Бабич, А.В. Козлов, Ф. Фукуяма).

Новые тенденции научного анализа идентичности позволяют говорить о поэтапном становлении нового подхода – «глобалистского конструктивизма». Он рассматривает феномен идентичности во взаимосвязи с феноменом информационно-сервисной цивилизации, а также с процессами политической, информационной и социокультурной глобализации начала XXI в. Новые теории социальных идентичностей и идентификаций сфокусированы на глобальных трансформациях и их результатах, в центре внимания находятся мировые сообщества, виртуальные общности (без территориальных и временных констант), мобильность и идентификационные процессы.

Один из самых известных ученых современности, специализирующийся в сфере теории информационного (постиндустриального) общества, испанский социолог и урбанист М. Кастельс, характеризует идентичность как главный источник смыслов в условиях информационной глобализации. Идентификация, по мнению автора, является процессом распознавания социальным актором себя и конструирования своего сознания на основе данного «культурного атрибута или сети атрибутов» [2, с. 27]. Люди, по мнению ученого, формируют собственные смыслы на основе собственных представлений о том, кто они есть, то есть на основе своей идентичности. Таким образом,

процесс глобализации, по мнению М. Кастельса, детерминирует противоречивые тенденции в гражданской идентификации индивида и меняющимся миром. С одной стороны, динамика современного политического процесса дает социальному актору возможность сохранения или же восстановления собственной идентичности, с другой, – существует риск возникновения потребности в поиске, выборе и формировании новой идентичности [2, с. 44].

Результаты исследования. Категория «гражданская идентичность» уверенно занимает лидирующие позиции, как в социально-политическом, так и в политологическом российском дискурсе.

Формирование гражданской идентичности относится к важнейшим функциональным элементам современных политических систем. Бесспорно, идентичность является одной из тем, которые «наиболее чутко реагируют на политические изменения в стране и мире в целом» [12, с. 19]. Современное общество – это сфера постоянно меняющихся идентичностей. Неполитическая составляющая современного социума образует партнерский тандем с государством в процессе формирования и становления новой идентичности, ее институционализации и преодолении противоречий с институтами прежней идентичности. На сегодняшний день «риску оказаться маргиналами больше подвержены те, кто сохраняет идентичность вопреки изменению объективной социальной ситуации и не способны принять новые социальные реалии» [13, с. 10].

Адекватное применение понятия «гражданская идентичность» в политологическом дискурсе осложнено тем, что даже среди ученых бытуют разные его интерпретации. «Граждане есть граждане, пусть они и не уверены, к каким именно общинам они теперь принадлежат», отметил М. Кастельс [3, с. 414], обозначив тем самым непостоянство определений гражданской идентичности в современном меняющемся мире.

Впрочем, актуальные в политологическом дискурсе определения гражданской идентичности тяготеют к двум основным тенденциям толкования – этатистской и либеральной. Первое толкование имеет за собой мощную традицию исследований

гражданского общества, ведущую отсчет от концепта общества Георга В.Ф. Гегеля. Второе опирается на мощную традицию осмысления, фундамент которой заложил А. Токвиль.

В гегелевских традициях гражданское общество представляется сферой реализации частных интересов, как опосредованная трудом система потребностей. Такая трактовка репрезентует антагонистический характер гражданского общества, регулятором которого выступает государство. Такая интерпретация взаимосвязи гражданского общества и государства дает возможность Гегелю интегрировать гражданское общество в государство, и провозгласить его зависимость от государственных учреждений и, особенно – от правовой системы. Отсюда следует толкование гражданской идентичности как осознание принадлежности к гражданам отдельного государства.

Именно такой контекст феномена гражданской идентичности получил широкое распространение и в современной России. Информативным свидетельством этому является определение тех показателей, по которым социологи делают выводы относительно гражданской идентичности россиян. Это следующие показатели: «отношение к российскому гражданству, восприятие России как своей Родины и страны проживания, уровень патриотизма и его понимание, готовность защищать свою страну» [8]. Подтверждением этому служат, в частности, исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения [11]. Согласно аналитическим обзорам ВЦИОМ, 83 % опрошенных россиян в возрасте 14-35 лет считают себя гражданами РФ [15]. Историю своей страны России, по собственным оценкам, хорошо знают 76% респондентов, историю своей семьи – 73% опрошенных. Как отмечают исследователи, 80% участников опросов в возрасте 18-24 лет демонстрируют высокий уровень знаний о нашем государстве, а в возрастной группе 14-17 лет – 79 % проявляют глубокие знания о семье.

Вполне обоснованно динамика приведенных показателей исследований может служить доказательством укрепления гражданской идентичности россиян и востребованности такого самоопределения для большинства граждан. Данные тенденции

отражаются в публичном дискурсе при посредничестве СМИ, что сказывается на публичной риторике и законотворчестве. Таким образом, социологические опросы становятся посредниками между научным и политическим дискурсом.

Так, социологическое исследование, проведенное в последние месяцы 2024 года, свидетельствует, что уровень патриотического отношения к Родине, соотечественникам и государству в целом вырос до 94%, что на 14 % больше по сравнению с зафиксированным показателем 2016 года. 52% участников опросов называют гордость за свою страну как главную эмоцию по отношению к России (20% в 2016 г.). На втором и третьем месте вера – 45% и любовь к Родине – 43%. Показательным является также и факт поддержки россиянами специальной военной операции (СВО): 58% респондентов считают, что она послужила сплочению российского народа, а 61% полагают обязательным для каждого гражданина вносить собственный вклад в СВО [11].

Поскольку гражданская идентичность в такой трактовке коррелирует с уровнем патриотизма и готовностью защищать свою страну, аргументированным является внимание государства к гражданской идентичности как фактору национальной безопасности.

В либеральной политической теории (Э. Арато, Р. Асен, Ю. Хабермас, Дж. Коэн, М. Кеннеди, К. Тейлор и др.) гражданская идентичность осмысливается как залог развития демократических институтов и основ республиканизма, симптом и одновременно движущая сила гражданского общества.

В частности, американский политолог М. Кеннеди предлагал видеть в гражданском обществе сферу формирования идентичности, относительно автономной от государства [5]. Более того, гражданская идентичность активно оказывает влияние на государственные дела, и тяготеет к тому, чтобы определить их через структуры гражданского общества; однако, не подлежит опеке и управлению со стороны государства. Такое понимание отражено в дискурсивной теории гражданства Р. Асена [1]. Он определяет гражданство как преобладающий модус общественной активности, контроль власти, учреждений или влиятельных групп.

Усилия российского гражданского общества и российского государства сейчас направлены на общую задачу – достижение всех целей специальной военной операции и укрепление суверенитета России. Экзистенциальный характер вызовов этого периода для граждан России обуславливает их солидаризацию и улаживание противоречий между государством и обществом, которые очерчивает либеральная теория.

Свидетельством этому служат тенденции в результатах регулярных социологических опросов, проводимых ВЦИОМ. Так, с утверждением, что Россия – лучшая страна в мире сегодня согласны 57% опрошенных, в 2018 г. их доля была – 52% [8], а 71% респондентов уверены в правильном направлении развития российского общества. Более 90% респондентов убеждены в том, что Россия справится со всеми негативными вызовами современности, а 93 % россиян никогда не рассматривали возможность изменить страну проживания. Такие показатели являются историческим рекордом за последние десятилетия изучения эмиграционных тенденций в России. Например, в 2011 году эмигрировать не планировали 82% соотечественников, а 13% рассматривали для себя такую возможность [11].

Для 82 % участников исследования ВЦИОМ «О современном российском патриотизме» – Родина представлена семьей, домом, заботой о близких, местом, где родился и где живешь, благополучием и безопасностью, детьми, природой, Землей и страной. Любовь к Родине россияне рассматривают через понятия гордости, защиты, вклад в развитие страны, знание и любовь к культуре, истории и традициям [7].

Социологические опросы, проводившиеся ВЦИОМ в течение 2024 года, свидетельствуют о неизменных возвышенных чувствах россиян по отношению к гербу, флагу и гимну Российской Федерации. Гимн России вызывает чувство восхищения у 72%, флаг и герб – у 68% и 64% респондентов соответственно [9].

Для 89% россиян признается важным: защита исторической правды и недопущение фальсификации истории; русский язык считают языком государствообразующего народа 85% россиян, а

для 83 % наших сограждан культура РФ является уникальным наследием многонационального народа [6].

Актуализация гражданской идентичности в современном политическом процессе предполагает, на наш взгляд, осмысление и конкретизацию традиционных ценностей, свойственных русской культуре. Изучение данного аспекта эмпирическими методами дает возможность констатировать, что для 45% россиян традиционными российскими ценностями являются крепкая семья, как союз мужчины и женщины, усилия по воспитанию детей, уважение к старшим; 23% респондентов рассматривают эту категорию в виде любви к стране, осознания единства народов России, уважения к исторической памяти, готовности служить Отечеству; 17% респондентов считают традиционными российскими ценностями, прежде всего готовность к взаимопомощи, взаимоуважению и человеколюбию, что отражается в поддержке нравственности, справедливости и дружелюбия; для 16% опрошенных упомянутая категория, это, прежде всего, национальная культура и религия. Около 77% наших сограждан считают необходимым сохранение традиционных семейных ценностей, культуры материнства и отцовства, поддержку и мотивацию создания многодетных семей [10].

На наш взгляд, актуализация гражданской идентичности, формирующейся под влиянием современного политического процесса, определяется следующими главными маркерами: отношением к языку, к государственной символике, великим историческим датам и личностям, к традиционным ценностям и культурным установкам. Закрепление и осознанное отношение к перечисленным аспектам способствует восприятию гражданами России общности своего прошлого и будущего, интернационализации тех политических и культурных ценностей, которые могут быть идентификаторами национальной принадлежности и позволят населению России воспринимать себя как единое социальное сообщество.

Изучение различных аспектов проявления и формирования гражданской идентичности на основе теоретических изысканий и эмпирико-социологических практик, дает возможность отметить,

что характеристики зрелости и сформированности данного феномена проявляются не только в осознанной идентификации себя гражданином государства и членом сообщества граждан, взаимодействие с которыми происходит на основе экономических и политических связей, но и в осознании ценностно-значимого характера атрибутов государственности: конституции, флага, гимна, памятных исторических дат, героев и выдающихся личностей, а общее с другими согражданами жизненное пространство и территория воспринимается как Родина. Именно на эти идентификаторы ориентируется личность, определяя свое место в социальном пространстве.

Выводы. В условиях глобализации и повышения интенсивности миграционных процессов, трансформации мирового порядка и формирования новых центров влияния на международной арене наблюдается значительная флуктуация общественно-политических и социально-экономических процессов. Как следствие, изменение этно-национальных характеристик государств и их культурных кодов ставит перед обществом задачу формирования единой гражданской идентичности, способствующей социальной сплоченности. Кроме того, в условиях политической нестабильности и кризисов доверия к институтам власти, гражданская идентичность становится важным фактором, способствующим активному участию граждан в общественной жизни и политических процессах.

Гражданская идентичность выступает основой группового самосознания, интегрирует население страны и является залогом стабильности государства. Вместе с гражданской идентичностью происходит и становление патриотической идентичности, которая выражается в любви к Родине, готовности поддерживать, работать во благо своей страны, отстаивать ее интересы.

Актуализация феномена гражданской идентичности в российском социуме и политологическом дискурсе происходит на фоне усиливающихся тенденций глобализации, общественно-политической трансформации, осознании необходимости в самоопределении как отдельных личностей, так и государств в целом.

Список литературы

1. Asen, R. A Discourse Theory of Citizenship. *Quarterly Journal of Speech* / R. A. Asen // 2004. № 90 (2). pp. 189–211.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: [пер. с англ. О. И. Шкаратана] / М. Кастельс. М.: Государственный университет высшей школы экономики, 2000. 608 с.
3. Castells, M. The power of identity / M. Castells // Willy-Blackwell. 2004. p. 428.
4. Fukuyama, F. (2018). Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition / F. Fukuyama // London: Profile Books Ltd. 2018. p. 240.
5. Kennedy, M. Historical Legacies and Civil Societies: Alternative Nations in Eastern Europe// M. Kennedy. URL: <https://brown.academia.edu/MichaelKennedy/CurriculumVitae> (дата обращения: 06.01.2025).
6. ВЦИОМ: Конституционные поправки: рейтинг предпочтений россиян. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucionnye-popravki-rejting-predpochtenij-rossiyan> (дата обращения: 06.01.2025).
7. ВЦИОМ: О современном российском патриотизме. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 06.01.2025).
8. ВЦИОМ: Россияне – о России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-rossii> (дата обращения: 06.01.2025).
9. ВЦИОМ: Символы России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvoly-rossii> (дата обращения: 06.01.2025).
10. ВЦИОМ: Традиции в эпоху перемен. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 03.01.2025).
11. ВЦИОМ: Уровень патриотизма россиян вырос до абсолютных высот // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2024/03/29/wciom-uroven-patriotizma-rossiian-vyros-do-absolutnyh-vysot.html> (дата обращения: 06.01.2025).
12. Дробижева, Л. Методологический подход: динамика в понимании и научных концепциях / Л. Дробижева // Национально-гражданские идентичности: опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижевой и Е. Головахи. К. 2007. С. 19.
13. Дробижева, Л. Предисловие / Л. Дробижева, Е. Головаха // Национально-гражданские идентичности: опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижевой и Е. Головахи. К. 2007. С. 10.

14. Путин назвал ключевой тему укрепления российской гражданской идентичности. URL:

<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6063198f9a794794c0383e43> (дата обращения: 05.01.2025).

15. Ценности молодежи. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 02.01.2025).

Щедрова Галина Петровна, д-р полит. наук, проф., профессор кафедры государственного управления, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск, Луганская Народная Республика.

E-mail: galina_shedrova1954@mail.ru

Shchedrova G.P.

ACTUALIZATION OF THE PHENOMENON OF CIVIC IDENTITY IN THE MODERN POLITICAL PROCESS

The article attempts to comprehend new connotations of the phenomenon of civil identity in the context of the modern political process. The main theoretical and methodological approaches and empirical studies of this phenomenon are analyzed. The conclusion is made about the increased demand for awareness of belonging and identification of oneself in a certain state, culture, nation on the part of modern Russian society.

Key words: *civic identity, political process, socio-political transformation, citizen, civil society, state, patriotism.*

Shchedrova Galina Petrovna, Dr. polit. Doctor of Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Administration, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vladimir Dahl Lugansk State University»

E-mail: galina_shedrova1954@mail.ru

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сборник научных трудов

№ 1(1) 2025

Ответственный за выпуск

О. Г.Мазур

Технический редактор

Е.А. Коломиец-Кириллова

Подписано к печати 18.06.2025

Формат 60 x 84 /16. Бумага офс. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Услов. печ. л. 7,3.

Тираж 100 экз. Изд. № 01522. Цена договорная.

Издательство

**Луганского государственного университета
имени Владимира Даля**

Адрес издательства: 291034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а

e-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com